

Татьяна Славина
Черный дар

Колдун поневоле



Татьяна Славина

Черный дар. Колдун поневоле

«Издательские решения»

Славина Т.

Черный дар. Колдун поневоле / Т. Славина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835347-5

Что делать, если ты получил в наследство черный колдовской дар: избавиться от него, или принять с благодарностью? Вместе с героями первой книги трилогии вы ответите на этот вопрос, пройдя тысячи дорог в нашем мире и встретившись с обитателями миров параллельных, став свидетелями любовных сцен и колдовских обрядов. Вы узнаете, что главное оружие против Сил Тьмы — это...

ISBN 978-5-44-835347-5

© Славина Т.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	32
Глава 7	39
Глава 8	48
Глава 9	56
Глава 10	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Черный дар Колдун поневоле

Татьяна Славина

© Татьяна Славина, 2020

ISBN 978-5-4483-5347-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Потрескивая, свеча догорала. Поляне нравилось наблюдать, как из середины восковой чашечки вырастал черный стебелек фитиля, а на его конце распускался пунцовый бутон, расправляя лепестки, объятые пламенем. Цветок расцветал, а пламя слабело, словно выпитая им вода. Вот уже верхушка трепетного язычка потемнела, вот копоть проложила черную дорожку к потолку...

Поляна протянула руку и сломала огненный цветок: ее пальцы даже не почувствовали ожога. Пламя повеселело, качнулось, успокаиваясь, а из восковой чашечки скатилась горячая капля и застыла, не успев добежать до столешницы.

Поляна перевела взгляд на стену, рябую от пляшущих теней, привычно прищурилась. И вот уже где-то между стеной и свечой всплыл образ, сначала неясный, а потом все более четкий, обрастающий цветами и деталями. Образ ее мужа.

О, как хотелось Поляне упасть головой на стол и завывать по-бабьи тягуче и надрывно! Как хотелось выплакать, вытолкнуть из себя эту пронзительную боль разлуки, которая почему-то никак не излечивалась временем! Ведь прошло десять лет. Десять одиноких, безрадостных, тоскливых лет. Хотя нет, она не могла сказать, что радости не было вовсе. Там, за печкой, рассыпав по подушке светлые кудри, посапывало во сне ее счастье, ее радость, ее гордость – ее дочь.

Дверь скрипнула, в избу метнулся озябший ветер, протянул к свече ладошки – погреться. Пламя недовольно закачалось, судорожно цепляясь за стебелек фитиля, но выстояло, не погасло. Кряхтя и обтопывая с валенок снег, через порог шагнула бабка Поветиха.

– Что, милая, заждалась? Еле добралась до тебя: так метет, так метет! Чуть валенки в сугробе не потеряла. Ну да ничего, сейчас для нашего дела самое время.

Бабка освободила спеленатую платком голову, стянула овечий тулуп, пригладила волосы.

– Ну, милая, все приготовила, как я сказала?

Поляна, молча, подняла со стола полотенце. Под ним лежали две свечи – белая и зеленая, немудреное колечко, мужская рубаха из грубого домотканого полотна и глиняная миска.

– Так, воды наговоренной я принесла – остальное все есть, – бабка удовлетворенно кивнула. – Дочка спит? Ну, тогда можно начинать.

Она зажгла белую свечу, от нее – зеленую, положила на середину стола рубаху, а на нее – глиняную миску.

– Теперь нальем воды – я ее сегодня на вечерней заре в роднике набирала. Готово.

Свечи поставили так, чтобы пламя в воде отражалось: белую – справа, зеленую – слева.

– Теперь, Поляна, бери кольцо в правую руку, пронеси его сквозь пламя свечей и опусти в воду. Так. Теперь повторяй за мной:

«Я зажгу свечу в ночной темени,
Поклонюся ей трижды покорно я
И скажу слова заговорные.
Вы услышите меня, Духи Светлые,
Духи Светлые, всемогущие.
Изболелось сердечко по милому,
По любимому мужу родимому.
Где искать его, в чьей сторонushке —
Подскажите несчастной женушке.
Если жив, покажите милого,

Чтоб найти – наделите силою.
Коль не свидимся никогда —
Будет темной пускай вода».

– Ну, теперь смотри! – и бабка Поветиха склонилась над миской.

Поляна со страхом бросила взгляд на воду – вдруг вот сейчас потемнеет, замутится? А сердце уже подсказывало: жив, жив! И верно – отражения свечей рассыпались, растворяясь в капельках родниковой воды, переливаясь перламутром. Кольцо засветилось ярко, и из центра его, увеличиваясь в размерах, всплыло изображение сурового хмурого мужчины. Холодные серые глаза, складка между сдвинутых бровей, черные усы, подковой охватывающие твердые губы. Волосы скрывались под черным капюшоном.

Поляна узнавала и не узнавала мужа. Каждая черточка его лица была до боли знакома – но каким чужим было это холодное лицо! Ни веселых искорок в глазах, ни улыбки. Где же он? Что с ним?

За плечами мужа Поляна углядела силуэт какого-то старинного замка: две круглые черные башни с бойницами и остроконечными кровлями. А дальше – очертания гор. Больше она ничего не успела разглядеть: изображение померкло, в глубине воды снова отражались две свечи и потолок избы.

– Что же это, бабушка, – разочарованно прошептала Поляна. – Такое я и без заговора могу увидеть, нужно только свечу зажечь, да прищуриться.

Старуха искоса посмотрела в ее сторону.

– Без заговора, говоришь? Ну-ка, дай мне свою руку.

Поляна протянула руку к заскорузлой ладони Поветихи, и не успели пальцы женщин соприкоснуться, как серебряная искра проскочила между ними.

– Э, девонька, да я тебе и не нужна вовсе. Ты и сама все можешь – только слушай себя и смотри вокруг внимательно. Большая сила в тебе. Смотри, чтоб она во вред людям не была. И мужа своего ты сама найти сможешь, видишь – жив он.

– Но как же, бабушка?

– Себя слушай, говорю, душу свою спрашивай. Сила твоя добром прирастать будет. Ну, а я тебе не помощница.

Поветиха дунула на свечи, вздохнула, сокрушенно покачала головой и заковыляла к лавке – одеваться.

– Ну, прощай, милая! Помни, что я тебе сказала.

До утра Поляна не сомкнула глаз. Она то ложилась, натягивая одеяло на голову, то вскакивала и бежала к ведру с водой – остудить пылающие щеки.

– Что же, что увидела в ней Поветиха? Что это за искра, соскочившая с ее пальцев? Какая сила кроется в ней?

Вопросов было много, а ответа не находилось ни одного.

– Ну, все, хватит, – решила она, наконец. – Что будет – то и будет. Поживем – увидим.

А сейчас – одеваться и – за дело. Подойник в руки: Зорька заждалась.

Глава 2

Дождь зарядил тягучий, осенний. Занавесил окна частой сеткой, отмыл до блеска ступеньки крыльца, повис свинцовыми гириями на головках запоздалых цветов. Солнце лохматой рыжей собакой вот уже целую неделю сидело в конуре облаков, и ни единый лучик не проклевывался через ее плотную стенку.

Все лето Поляна крутилась, как белка в колесе. Домашних дел хватало с избытком. Дочка изо всех сил старалась помочь матери, но отсутствие в доме мужских рук, сильных и спорышковых, рук ее Славеня, каждый раз оборачивалось то торчащим не на месте гвоздем, то отоппавшей за зиму поленницей. Конечно, за все долгие годы без мужа Поляна научилась молоток в руках держать, да только рук на все не хватало.

Сколько раз соседские мужики масляными блинами подкатывались: то сделать, это починить. Не один заглядывался на стройную голубоглазую молодку. Да вот только платы за свои услуги все ждали одной и той же: так и стреляли глазами на сеновал, так и сыпали откровенными предложениями. Всех их Поляна посылала к лешему в болото, да так решительно, что вскоре и охотники заглядывать на ее подворье перевелись. Где им знать, что каждую ночь горячая молодая плоть жгутами свивала непокорную душу, что подушка вся искутана ртом, жаждущим поцелуя, а огня, пылающего в лоне, хватило бы, чтобы костер разжечь? Ах, Славень, Славень, где же ты, любимый?

Но каждый раз утро стирало следы ночных слез, и неприступная Поляна шла к колодцу с высоко поднятой головой, насмешливо взирая на алчные лица несостоявшихся ухажеров.

Официальных сватов никто засылать не решался: вдовой Полянe не считали, хоть и жила она десять лет без мужа. Никто не видел ее Славеня мертвым, но и никто не мог сказать, где он.

Тогда, десять лет тому назад, в такое же дождливое осеннее утро тревожный стук в окно остановил его ложку с кашей на полпути ко рту. Смахнув с усов случайные крошки, Славень встал из-за стола, шагнул к двери. На крыльце стоял невысокий мужичок в дорожной ферезее, сапоги его были облеплены комьями грязи, с бороды струились целые дождевые потоки.

– Славень, отец твой совсем плох. За тобой послал, проститься хочет.

Поляна вскочила, засутилась, набрасывая платок, но незнакомец остановил ее:

– Тебя, молодка, свекор не звал, только сына.

Славень, уже одетый в плотный плащ и сапоги, скорбно улыбнулся жене:

– Не обижайся на отца, ты же знаешь, какой он.

Да уж, Поляна знала. Начать хотя бы с того, что Славень женился на ней против воли родителя.

Этого упрямого нелюдимого старика боялись и старались обходить стороной его дом на окраине села. Он никогда не бранился, но мрачный взгляд из-под нависших бровей мгновенно запускал под рубашку стадо мурашек. И люди старались поскорее убраться подальше от этих окающих черных глаз. Никто никогда не видел, чтобы он приласкал свою молчаливую покорную жену, чтобы подбросил вверх или потрепал с любовью по голове своего единственного сына.

Никто не знал, чем живет эта семья: ни коровы, ни лошади на подворье, из всей живности – только черный кот, да десяток кур. Пашню они не пахали, жито не сеяли. Иногда на рассвете ранние путники видели чету выходящей из леса с корзинками, но что было в тех корзинках, оставалось для всех загадкой. Люди решили, что живут они грибами, да ягодами, которых было множество в окрестных лесах.

В отличие от родителей, Славень был открыт и доброжелателен. Как называли его отец с матерью, соседи не знали, но до того славным был этот сероглазый мальчишка, тайком удирающий из дома, чтобы поиграть со сверстниками, что селяне называли его – Славень. Дома-то,

видно, его не баловали, поэтому тянулся парень к людям, расцветая от каждой доброй улыбки, от каждого сказанного ему доброго слова. И в ответ старался помочь всем и каждому.

Особенно нравилось ему бывать в кузнице. Запах раскаленного металла, перезвон молотков и уханье огромного молота – все приводило мальчишку в восторг. А как радовался он, когда чернобородый белозубый кузнец доверял ему какую-нибудь немудреную работу! И как сладко было потом вместе с ним хрустеть ядреными огурцами и вонзять зубы в еще теплый ломоть свежее испеченного хлеба, которые приносила на обед дочь кузнеца Поляна.

Шли годы. Славень освоил все премудрости кузнечного дела, мышцы его стали тверже железа, а вот сердце – нет, сердце осталось мягким и трепетным. Да и могло ли быть иначе, если каждый день ему улыбались васильковые глаза Поляны, Ляны, Ляночки?

Поляна закрыла глаза, пытаясь поймать, запутать в ресницах слезы. Но тяжелые капли, накопившие в себе столько горя, столько боли, протаранили черный густой частокोल и поползли дальше, по щекам, неудержимо и упрямо.

– Мамоchка, ты опять плачешь! Почему?

Легкие пальчики Яси пробежали по мокрым дорожкам, поймали и стряхнули соленые капли.

– Тебе больно, ты заболела?

– Ах, доченька, если бы больно было только от болезни! Хотя ты права. У меня болит душа. Так болит!

Поляна зарылась лицом в светлые кудри дочери и заплакала навзрыд.

– Не надо, мамочка, не плачь! Ну, что мне сделать, как тебе помочь?

В отчаянии девочка обняла Поляну за шею, прижалась к ее лбу, стараясь заглянуть в глаза. И их обеих стала бить дрожь. Она просто сотрясала сплетенные тела матери и дочери, синхронно поднимаясь откуда-то снизу, заполняя все нутро, заставляя вибрировать каждый волосок и стучать зубы. И, странное дело, возбуждение постепенно сменилось умиротворением, сиреневое тепло окутало невесомым покрывалом, отгораживая Поляну и Ясю от всего мира. В голове женщины несколько раз металлическим эхом с убывающей громкостью продребезжало: «Как тебе помочь, как тебе помочь?» И – все. Из нее будто все вытряхнули, все до единой мысли. Потом в оглушающей тишине всплыл голос:

– Вы нужны ему. Вы нужны людям. Готовьтесь!

Сначала в пустоту сознания пробились капли дождя, барабанившие в окно, потом потрескивание огня в печи, потом – аромат перетомившихся щей.

Поляна открыла глаза, ничего не понимая. Ее встретили удивленно распахнутые серые глаза дочери:

– Мамоchка, ты слышала? Кто это говорил с нами? К чему – готовиться?

Значит, ей не почудилось. Яся слышала то же, что и она. Кто же это?

Залаял во дворе Серок, простучали торопливые шаги по крыльцу. В избу без стука ввалилась мокрая до нитки бабка Поветиха.

– Ой, что деется, что деется-то! – запричитала она, валясь на лавку и стаскивая с головы платок. – Ну, какому извергу он помешал, какому окаянному? И как рука-то поднялась у зверя этого лютого на убогонького! Ой, лишенько—лишенько, что на свете творится, что деется!

– Да что случилось, бабушка, что стряслось?

– А вы что, ничего не знаете?

Поветиха перестала раскачиваться и причитать и устала на Поляну.

– Ноне дурачка нашего убогонького, Синюшку, утром мертвого нашли. Да как нашли-то, ой, лишенько! Привязали его, родимого, к коньку на крыше избы твоего свекра. Изба-то уж десять лет пустая стоит, с тех пор, как помер свекор твой, а муж пропал – ты знаешь. И кто ж дурачка на крышу затащил, да привязал кверху ногами, если все дом тот стороной обходят,

боятся? А язык-то, язык Синюшке вытащили, да веревкой к камню пудовому привязали. Ой, лишенько, лишенько!

Бабка Поветиха зачерпнула ковш воды из стоящей рядом бадейки и выпила, не отрываясь. Переведя дух, запричитала снова:

– А сердце-то, сердце вырезали, гады ползучие. Все в кровище кругом! А сердце на кол посадили, на плетне вместо крынки.

– Ой, бабушка, не говори больше, я не могу! – Яся побледнела и стала сползать на пол, цепляясь за столешницу непослушными пальцами.

Поляна подхватила дочку и уложила ее на лавку, стала гладить по голове, успокаивать.

– Ну что ты, что ты, Ясочка моя!

Под ласковой рукой матери девочка притихла.

– Успокойся, доченька, поспи лучше, поспи.

Яся и вправду закрыла глаза и задышала ровно. Хотя и было ей уже четырнадцать лет, но ранима и впечатлительна она была, как малый ребенок.

Поляна повернулась к Поветихе:

– Ну, как можно, бабушка, рассказывать такое при ребенке? Она же у меня чужую боль, как свою, чувствует. Ты ее чуть не убила!

Поветиха и сама видела, что свалила дурака. Не она ли говорила Поляне об ее необычности? А яблоко ведь от яблони недалеко катится.

– Вижу, виновата – прости. Ну, ты-то пойдешь?

– Куда?

– Да туда, к дому свекра твоего. Там вся деревня теперь. Хотели Синюшку снять, да все боятся. Может, ты пособишь, он же свекор тебе был, ты же в дом тот ходила раньше.

– Ну что ж, пойдём

У околицы собрались все, от мала до велика. Толпа напряженно гудела. Первая волна эмоций уже схлынула, каждый притерпелся к необратимости этого ужаса. Увидев Поветиху со спешащей следом Поляной, люди облегченно вздохнули и подались им навстречу. Теперь каждый решил, что ответственность за принятие решений лежит не на нем, а на этой вот голубоглазой женщине. Ее свекор жил в доме, оскверненном убийством, вот пусть она и решает, что делать дальше.

Поляна не видела ничего, кроме зловещей крыши дома. Да, Поветиха ничего не приукрасила, ужаснее картины трудно представить. Воронье уже облепило соседние деревья, но, опасаясь людей, не решалось начать пир. Изредка одна – две птицы срывались с ветвей и, пронзительно каркая, решались сделать круг над трубой с вожденной закуской.

От вида того, что еще вчера было деревенским дурачком Синюшкой, самым безобидным, приветливым и немудреным жителем деревни, Поляне стало дурно. Но на нее смотрело столько глаз, смотрело с надеждой и доверием, что женщине пришлось взять себя в руки.

– На крышу можно попасть через волоковое окошко, – сказала Поляна, забывая, что проще было бы принести из сарая лестницу. – Кто пойдет со мной?

Несколько наиболее решительных мужчин вышло из толпы.

– Пошли.

В доме никто не жил вот уже десять лет, и, хотя замка на двери не было, никто не решился за эти годы переступить его порог. Славень, похоронив отца, похоронив скромно и одиноко (никто из односельчан не пришел на похороны, как не пришли они раньше и на похороны его матери), избегал заходить в осиротевший дом родителей. Неделю он ходил мрачнее тучи, а потом, не простившись, не сказав ни слова жене и малютке – дочке, ушел на рассвете и не вернулся. Поляна, было, кинулась искать мужа, оббежала всех соседей, все окрестные поля и леса. Пересилив страх, зашла и в дом свекра, где не бывала до этого ни разу, – ее здесь не жаловали – Славень как в воду канул.

И вот Поляна во второй раз переступает порог этого проклятого жилища. Любая женщина знает, сколько пыли может накопиться в доме, если не убирать в нем неделю, что же говорить о десяти годах запустения! Пыль взметнулась из-под ног вошедших, заставляя их кашлять и отплевываться. Паутина космами свисала с пучков сухих трав, развешенных вдоль стен. Солнечные лучи едва проникали сквозь грязные подслеповатые окошки. В остальном же ничего не изменилось за последние десять лет. Запах сырости и тлена был густ до осязаемости. Однако ничего не говорило о том, что здесь побывали убийцы.

Взобравшись на печь, мужчины отворили окошко, через которое обычно выпускался дым, и выбрались на крышу. Они сноровисто отвязали тело Синюшки от деревянного петуха, венчающего конек, обрезали веревку с камнем и опустили останки на землю. У Поляны так закружилась голова, что она едва удержалась на ногах.

– Подождите, не оставляйте меня одну! – крикнула она вслед уходящим спутникам.

Синюшку положили на траву возле дома. Бабы взвыли, запричитали, дети разбежались по соседним домам. Мужчины сурово потупили взоры.

– А сердце, как же его сердце? – Поляна обернулась к плетню.

Никто не хотел брать в руки окровавленный комок, надетый на кол. Даже Поветиха проворно сунула руки под передник.

– Не можем же мы похоронить человека без сердца, не можем позволить воронам расклевывать его!

Поляна решительно шагнула к плетню и коснулась ладонями Синюшкиного сердца.

Она не поняла, что случилось дальше. Люди исчезли, солнечный свет померк, на ночном небе, закрытом облаками, – ни звездочки. Оглянувшись, она узнала сторбившуюся в темноте избу свекра. В окошке горел свет! Страх она не почувствовала, только любопытство: интересно, кто это зажег свечу в пустующем доме? Прокралась к окошку и прижалась лицом к мутному бычьему пузырю.

Свеча не стояла на столе, а висела над ним, озаряя трепетным светом собравшихся вокруг. Их было четверо – все в черных охабнях с капюшонами, из-под которых выглядывали бледные лица с дьявольски горящими глазами. Одного она узнала – это был ее покойный свекор! И опять она не почувствовала никакого страха, только любопытство. Почему от черных фигур ни одна тень не скользнула по стенам? Почему пыль, густо устилающая все вокруг, ни разу не взметнулась под ногами пришельцев?

Поляне захотелось поздороваться с теми, кто был в доме, ведь она всегда здоровалась со всеми, и все любили ее за это. Она постучала по раме пальцем. Взгляд черных глаз свекра прожег ее насквозь. Удивительно, как он разглядел ее в темноте, да еще через потрескавшийся бычий пузырь, едва пропускающий свет?

– А-а, это всего лишь деревенский дурачок, – губы свекра искривились в усмешке. – Его можно не опасаться. Даже если он расскажет о том, что видел нас, все примут его слова за бред сумасшедшего.

– Оно так, конечно, – возразил другой. – Но ведь нам все равно нужно как-то дать понять этим людишкам, что мы пришли, а им – ха-ха-ха – пора убираться из этого мира. Вот мы и оставим им свой знак.

Все четверо глухо расхохотались и, повернувшись к окну, протянули к Поляне руки. Руки эти, странно удлинившись, прошли сквозь бревна и схватили Поляну за горло, плечи, ноги, руки. Вот тут она испугалась, но сознание спасительно отключилось...

Поляна огляделась – кругом толпились односельчане, серый свет дождливого осеннего дня не оставлял сомнений в том, какое сейчас было время суток. Ладони, в которых лежало Синюшкино сердце, кололо тысячами ледяных иголок.

Поляна выронила сердце из рук, силы оставили ее.

Хоронили Синюшку всем селом, да и могло ли быть иначе? Все любили славного малого, все привечали, а тут – такая страшная смерть. Пересудов было немало, но никто не мог додуматься, кому помешал безобидный дурачок, за что его так зверски убили?

Хуже всего было то, что никто не видел в деревне чужаков, значит, убили свои, деревенские. И каждый стал коситься на соседа, боясь, что прожил столько лет бок о бок с тайным убийцей.

А Поляна молчала. Ей было стыдно перед односельчанами за свой внезапный обморок: никогда не слыла она неженкой. И тем более, никому не могла она рассказать о своем видении. Кто бы ей поверил? Она и сама-то сначала не придавала значения тому, что увидела: кто же придает значение кошмару? Но что-то заставляло ее снова и снова вспоминать увиденное, и вдруг до нее дошло: она чувствовала себя Синюшкой! И убит был Синюшка, а не она, Поляна. О, Боги! Возможно ли, чтобы прикосновение к вырванному из груди сердцу позволило влезть в чужую шкуру, почувствовать себя другим человеком, увидеть то, что видел он перед своей смертью?

– Да что же это за напасть такая на нашу деревню! – сокрушался стоящий рядом дядька Ивень. – Мало того, что все лето беда за бедой! То корова в болоте увязнет, то дети в лесу заблудятся, то на овец мор нападет – так теперь человека убили!

– И какой же гад это сделал? Неужели – свой? – подхватили бабы.

– Быть такого не может! – бабка Поветиха покрутила головой. – Я каждого в деревне чуть не с пеленок знаю – никто до этого дойти не мог, чтоб зверство такое учинить. Чужой это, пришлый!

– Так не видели же никого чужого-то!

– Эх, бабоньки, не хотела говорить, да теперь скажу. На прошлой неделе иду это я домой от соседки. А уж поздненько, теперь-то рано темнеет. Так вот – темень, хоть глаз выколи. И вдруг гляжу – навстречу мне кто-то – шась! Я так и обмерла. Мужик такой здоровенный. Кругом темно, сам он в черном охабене – а я его вижу. И такой озноб меня тут забил. Ужась! Чужой мужик-то. Я и рта раскрыть не успела, а он меня за титьку – хват. И давай тискать! И тянет за угол, где сеновал. Тут я очухалась, вырвалась и – бежать! А говорите, чужих никто не видел!

– Ну и дура ты, Ветка, – заржал Ивень. – В кои-то веки на тебя кто-то позарился, а ты – бежать!

– Фу, срамник, – зашикали бабы. – Все бы тебе, охальнику, с ног на голову переворачивать! Не слыхал разве: чужой мужик-то был. Может, он и Синюшку убил?

– А может, он и сейчас где-нибудь в селе прячется?

Страх накрыл деревню. Ядовитым туманом вполз он в каждый дом, в каждую душу. Женщины пугливо оглядывались на каждый шорох, строго—настрога запретили детям выходить на улицу с наступлением темноты. Мужчины достали и наточили оружие. Теперь они сопровождали своих жен даже в хлев корову доить, если дойка приходилась на темное время суток.

Глава 3

Беды не оставляли деревню. Поветиха, пошедшая как-то к роднику за водой для своей ворожбы, прибежала обратно сама не своя от страха.

– Ой, бабоньки, держите меня, ноги подламываются! – вопила она у колодца. – Ой, в глазах темно, ох, помру не-то!

– Да говори ты толком, не пугай.

– Как же не пугать, когда я сама со страху подол обмочила! Ой, бабоньки, пропал родник!

– Как пропал? Исчез, что ли?

– Исчезнуть он не исчез, да только не вода в нем теперь ключевая, а грязь ядовитая. А уж воняет как, уж воняет! Я только подошла кувшин налить, а он как булькнет, как брызнет прямо в глаза, да в рот. Насилу отплевалась. А в глазах и посейчас пелена кровавая. Ой, дайте-ка умыться, не то ослепну!

Женщины кинулись умывать Поветиху, а вездесущие мальчишки понеслись к роднику, посмотреть на чудо.

В самом деле, на месте родника пузырилась вонючая трясина. Густая грязь не успевала стекать по руслу ручейка, когда-то питаемого родником, и зловонная лужа расползалась по лужайке, нагло проглатывая редкие осенние цветки.

Ребятня пришла в дикое возбуждение. Камни, ветки полетели в грязь. Но этого было мало.

– А слабо вам перепрыгнуть на другую сторону? – крикнул самый бойкий мальчуган и, похваляясь своей удалью, сиганул через лужу.

Дальше произошло невероятное. Лужа вспучилась в нескольких местах, из нее выплеснулись липкие фонтанчики и, облепив на лету со всех сторон мальчишку, втянули его в грязь.

– Чпок! – смачно рыгнула лужа, а ребятенка, как и не было.

– А-а-а-а! – завопили сорванцы и ринулись со всех ног в деревню.

– Утонул, утонул! Ростик утонул!

– Что? Где? – женщины от колодца кинулись в сторону реки.

– Нет, не в реке – там, у родника, в луже!

– Ну что вы врете, пострелята, как можно утонуть в луже? Там ручей-то по колено!

– Утонул, утонул, скорее!

Выудить тело Ростика так и не удалось. Принесенные мужиками двухсаженные багры не доставали до дна. А бездонная лужа все ширилась, все новые порции грязи извергал родник. Только поздно вечером, отчаявшись нащупать тело утопленника, все разошлись по домам.

Утром на месте луга уже тяжело колыхалось смрадное болото. Вонь толстым одеялом укрывала его бурое брюхо, маслянистое и блестящее. Лишь изредка из глубины поднимался и лопался пузырек газа. Болото было мертво. Оно даже перестало разрастаться, как будто питавший его грязевой источник иссяк. Но впечатление было обманчивым.

Собиравший стадо пастух позже рассказывал:

– Сам не видел – никогда б не поверил! Буян мой, пес – умница. Он всегда мне стадо собирает. Чуть какая корова в сторону – он ей наперед и лает, в стадо гонит. А тут Зорька Поляны, видно, решила попить из болота, вот глупая скотина! Буян ей наперед забежал, а та уже у самой грязи. Собака и вскочила в жижу. И тявкнуть не успела – вытянулись из болота грязевые жгуты, опутали беднягу – и в трясину. Клянусь Богами! А грязи-то после этого как будто прибавилось: я заметил – там камушек недалеко лежал, так его грязь и накрыла. На аршин болото выросло.

Болото было живым. Стоило ему проглотить какую-нибудь живность – оно довольно чмокало и тут же увеличивалось в размерах. Пришлось срочно огораживать трясину плетнем,

чтобы никто ненароком не подошел близко. Только так и удалось остановить рост грязевого чудища.

Руки Поляны так и сновали в горячей воде. Рядом на столе уже возвышалась стопка перемытых мисок. Пальцы сноровисто выуживали из шайки деревянные ложки, проходились тряпочкой по их расписным щечкам, стряхивали мыльные капли. Поляна любила, чтобы ее посуда сияла чистотой, но, как ни крути, а на полках миски пылились: семья-то невелика – она, да дочка. Вот и приходилось раз в седмицу устраивать банный день всей кухонной утвари.

– Ну вот, теперь сполоснем чистой водичкой – и готово.

Поляна потянулась зачерпнуть воды из ведра, а там – пусто.

– Ничего, колодец недалеко, Яся мигом слетает.

Поляна выглянула в сени, где ее дочка начищала большой чугунок, позвала:

– Доченька, сбегай-ка за водой.

Яся живо накинула шубейку, платок и, схватив ведра и коромысло, выскочила на улицу. Молодой снежок тонким слоем покрывал землю. Воздух свежий и ароматный, как яблоки – не надышишься! Соседские ребята достали салазки, пробуют кататься, но слой снега еще так мал, что полозья проминают его насквозь, оставляя за собой полосы мерзлой земли.

До колодца – рукой подать. И минуты не прошло, как Яся уже заворачивала к нему за угол. Но что это? Неужели все женщины деревни разом решили устроить стирку? Пестрая толпа с ведрами возбужденно гудела у колодца.

Хотя, где же колодец-то? Яся подошла ближе и не поверила своим глазам: колодца не было! На его месте из земли торчали бревна сруба, рядом валялось привязанное к вороту ведро. Что случилось?

– А я говорю – ночью они обвалились. На зорьке за водой пошла – а колодец-то обвалился. Я – к другому, и он тоже, – захлебываясь, тараторила Ветка. – Всю деревню оббежала от колодца к колодцу, и все десять – обвалились!

– Что за черт! – басом вторил соседке дядька Ивень, – землетрясений у нас отродясь не было. И надо же когда приключиться этому – зимой! Земля-то мерзлая, как теперь новый колодец выкопаешь?

– Я, это, думаю так, – прокашлявшись и размахнув по щекам усы, начал дед Овсей. – На речку за водой ходить – далеко. На улице сейчас колодец не выроешь – землю не удолбишь. Придется в хатах копать, под хатами земля теплая. А место у нас низкое, вода недалече. Что скажешь, сосед?

– И то верно, не сидеть же без воды! Придется мужикам потрудиться.

И закипела в деревне работа. Напрасно Поветиха бегала из избы в избу и уговаривала хозяев:

– Колодец в доме – не к добру это! Лучше на речку за водой сходить, а весной новые колодцы на улице сработать.

Никто не слушал бабку.

– Ты что, старая, умом тронулась? Это сколько раз надо к речке за полторы версты сбегать, чтоб и скотину напоить, и еды наварить, и постирать, и помыться. И как мы, дураки, раньше не догадались в сенях колодцы выкопать? Не было бы счастья, да несчастье помогло: хорошо, что колодцы завалились. Сейчас потрудимся, зато потом – отдыхай, не хочу!

И довольные мужчины снова брались за лопаты и с остервенением долбили землю.

У Поляны копать колодец было некому: даже сноровистые сильные, ее руки не могли одолеть такую работу. А Поветиха из принципа запретила своему старику делать «черное дело».

– Не хочу дом свой поганить. Бесовское это место – колодец. Лучше я на речку за водой схожу, да снега в чугунок натоплю.

– Чудишь, бабка, ох, чудишь, – кряхтел на печи дед. – Ты что, самая умная на селе? В твои-то годы на речку за водой бегать! Вот посмотришь, грязью зарастем, испить нечего будет. А скотине сколько воды надо!

– Э, дурак ты, дед, сам ничего не понимаешь. Еще бабка моя, которая меня знахарским делам учила, наказывала: избегай стоячей воды в доме – мертвая она, вода эта. Чуть постоит – и уже вред от нее. Колодец в доме – это одни неприятности.

– Хм, а на улице – не неприятности! Где разница-то?

– Да в уличном-то колодце вода не больно и застаивается. Сколько людей за день по воду придет! Вот и обновляется вода. И чем больше ее черпаем, тем лучше она становится. Омолаживается.

– Ну, бабка, тебя не переговоришь! Я, конечно, всех твоих знахарских штучек не знаю, а за водой на речку весь день шастать не буду.

– А чего шастать, ноги бить? Запряги лошадь, да съезди. И Поляне заодно водички привезешь, она тоже без колодца осталась, да и лошади у нее нет.

Больше всех страдали без уличных колодцев бабы: ну где теперь с соседками встретиться, языки почесать? Просто так, без дела, ходить по гостям в будние дни на селе не было принято. Вот и выдумывали бабы себе дела на стороне.

– А пойду-ка я к Поляне за закваской, моя прокисла. Уж больно хорошее кислое молочко у Поляны!

– Ахти, соль кончилась! Надо к соседке сбегать, попросить взаймы...

– И куда это мои спицы запропалились, носок довязать нечем. Придется к Ветке сходить за другими.

Мужчины только посмеивались в усы, но и им скучно было без общения. А тут еще снегу навалило, замело избы выше окон. Не очень-то, куда и пойдешь. Вот и сидели все по своим норкам, занятые неспешными зимними делами, изредка узнавая новости.

Главным связующим звеном на селе стала Поветиха. Она чаще других навещалась не только к соседям, но и к живущим на другом конце села. Люди звали ее то роженице пособить, то простуду полечить, а то и погадать – поворожить на суженого.

Ну, а молчуньей Поветиха никогда не была. Не успев переступить порог дома, развязывала торбу новостей и сплетен:

– Слыхали, у Житеня дочка наемдни родила! Уж, какой славный мальчишечка получился – чудо. Правда, Елке помучиться пришлось с первенцем: уж больно мала сама, да неумела. Ну а я-то на что? Помогла молодке. А как муж-то ее радовался, что мальчишка родился! Аж меня расцеловал, охальник! А я-то тут причем, он же старался прошлой весной.

– Слыхали, Стешкина Рыжуха двойню принесла: телочку и бычка? Стешка и не думала, что двойня будет. Прошлой-то зимой Рыжуха мертвого теленка сбросила, видно, боком обо что-то ударилась. А в этот раз Стешка бычка приняла, сидит, ждет, когда послед отойдет, чтоб убрать его сразу. Глядь – а вместо послета копытце показалось. Она-то растерялась, как помочь – не знает, теленок неправильно лежал. Послала постреленку за мной. Ну, помогла, конечно. А телочка – красавица! Да такие крупные оба теленка-то. Вот Стешке радость!

Но не только радостные вести приносила Поветиха. Вот и в этот раз она заглянула к Поляне встревоженная, озабоченная.

– Эй, хозяйка дома?

– Дома, дома, бабушка! Где же мне еще быть в такой морозище? Вот с Ясей шерсть прядем. А ты раздевайся, раздевайся. Озябла, поди?

– Это верно, окоченела совсем. Иду, а сама уж и ног не чувую, как деревянные стали. Думаю, надо зайти к Поляне погреться, а то до своей избы не добреду – замерзну.

– Вот тут и садись, бабушка, – Яся подвинула лавку к теплому боку печки. – Да спиной прижмись к горяченькому. А я тебе сейчас чайку налью с душицей и зверобоем – сразу оттаешь!

Поветиха приняла в негнущиеся пальцы дымящуюся чашку, вдохнула аромат целебных трав и блаженно прикрыла глаза.

– Ох, благолепие какое! Не дай Бог, в такой морозище в пути оказаться, особенно в поле. Хоть бы ветра не было – так нет, уж и воет, окаянный! А щеки надрал – сил нет. Спасибо, не дали бабке замерзнуть.

– Куда ж ты ходила в такой мороз, бабушка?

– Да рази ж пошла б, коли не нужда! У Любимы сынишка захворал, вот за мной и прислали.

– И сильно болен мальчишечка? Может, сосулек наелся?

– Нет, тут что-то другое. Жара нет, горло не красное.

– Может, корь или скарлатина? Сыпи на коже не видела?

– Сыпи тоже нет. А вот какой-то он вялый, как вареный. Голова, говорит, кружится, тошнит, в ушах звенит. И жить не хочется.

– Чтобы постреленку в десять лет жить не хотелось? Это что-то невообразимое.

– Вот и я думаю, какая-то странная хворь. Я уж в третий раз его навещаю. Относила ему настойки из корней девясила, да меду майского, целебного. И заговоры не помогают, и лекарства не берут. А мальчонке все хуже, да хуже. Лежит целыми днями на лавке, к стенке отвернется – и плачет. Я уж не знаю, что и делать.

– Постой-ка: может, это его порадует?

Поляна пошарила в тусеке, стоящем у двери на лавке, и достала из него пару румяных свежих яблок.

– Откуда же среди зимы чудо такое у тебя?

– Да вот немного с лета осталось, в погребе в полове храню.

– Ну что ж, завтра отнесу малышу, пусть порадует.

А на завтра недобрая весть поползла из дома в дом. Испуганные женщины понесли ее по селу, от соседки к соседке: умер сынок Любимы. Ночью умер, не дождался дня. С первыми лучами солнца Поветиха приковыляла к страдальцу, грея за пазухой заветные яблочки. Вот – чудилось ей – увидит их мальчишка и улыбнется, прижмет бледную щечку к ароматному, пропитанному летним солнышком плоду. И отступит болезнь.

Однако на пороге знахарку встретила Любима: босая, в исподней рубаше, нечесанные волосы на обезумевших от горя глазах.

– Сыночек мой, кровинушка моя, а-а-а, – и женщина сползла у двери на пол, захлебнувшись болью.

– Пойдем, милая, пойдем в избу, – Поветиха, сразу поняв все, кинулась поднимать Любиму. – Мороз-то какой, сама заболеешь. Пойдем!

Несчастливая мать отрешенно дала поднять себя, неуверенно перебирая ватными ногами, перешагнула порог. В избе было сумрачно и сыро. Нетопленная печь с недоумением взирала на хозяйку: почему не разожгла приготовленные с вечера поленья, почему не гремит чугунами и сковородками? Окошки затянуло морозным узором так, что свет еле пробивался с улицы. На лавке, вытянувшись всем своим маленьким тельцем, с серьезным и скорбным лицом застыл мальчонка.

– А-ах! – ноги Любимы подкосились, и Поветиха не смогла удержать сломленную горем мать.

Женщина упала возле лавки на колени, уткнулась головой в холодный бок сына, хотела заплакать – но не получилось. Видно, все слезы были уже выплаканы ночью, горло, как удавкой кто сдавил.

Поветиха опустилась рядом, молча сочувствуя. Да и есть ли на свете слова, которые могли бы утешить потерявшую сына мать?

В растерянности знахарка достала из-за пазухи теплые яблоки и положила их на грудь покойника.

– Вот, сыночку твоему несла, думала порадовать, да не успела.

Любима подняла голову. Вид немудреных гостинцев, словно взорвал ей грудь, выпустив на волю материнское горе.

– Соколик мой ясный! – заголосила она. – Закрылись глазоньки твои синие, не видишь ты, милый, какие яблочки тебе бабушка принесла! Ох, не попробуешь ты больше яблочек, солнышка не увидишь. Схоронят тебя в могилке, земли сырой на грудь навалят. И холодно тебе будет, а я не смогу согреть сыночка своего любимого. И за что мне несчастье такое, чем Богов прогневала? Как жить теперь буду, горемычная?

Постепенно изба наполнялась соседками. Женщины скорбно переглядывались, перешептывались, прикрыв рот ладонью. Потом, видно, решив, что пришло время, подняли Любиму с пола, увели, утешая, от изголовья сына. Другие, возглавляемые знахаркой, принялись готовить тело умершего к погребению. Позже пришли мужчины со свежесвыдолбленной колодой. Отец прощался с сыном сурово и молчаливо. Все шло своим чередом, так, как было при дедах и прадедах. И не знали селяне, не ведали, что заглянет такое горе еще не в один дом. Страшная, непонятная, неведомая хворь потянет в могилы их ребятишек, одного за другим, одного за другим.

Недели не прошло, как захворали еще двое, а потом еще пятеро ребятишек. Все они лежали вялые и безразличные ко всему, отказывались есть и разговаривать. Поветиха сбилась с ног, навещая больных. Пошли в ход все запасы трав знахарки, все ее заговоры, а толку – никакого.

– Деточка, ну скажи мне, где болит-то у тебя? – уговаривала бабка очередного пациента.

Но тот только отворачивался к стене и, молча, ронял слезы.

– Не иначе, лихоманка какая-то, – судачили селяне и строго-настрого запрещали своим детям выходить со двора, общаться со сверстниками.

Глава 4

Деревня замерла. Сидя в занесенных снегом избах, люди ждали беды. И она приходила. Однажды, заглянувшая к Поляне Поветиха, принесла нерадостную весть и Ясе.

– Эх, девонька, подружка твоя, Беяна, тоже заболела вчера. Я у них утром была – та же история, что и с другими. Чем детям помочь – ума не приложу!

– Ах, мамочка, разреши, я сбегаю к Беяне, навещу ее, – Яся просительно заглянула в глаза Поляне.

– Э, нет, – вмешалась Поветиха. – Не ходи туда. Кто знает, как эта зараза распространяется. Не хватало еще и тебе заболеть!

– И верно, не ходи, доченька. Помочь подружке все равно не сможешь, а вдруг сама заболеешь!

– Ну тогда, ну тогда... Вот, придумала!

Яся бросилась за печку, в свой уголок и принесла оттуда тряпичную куклу.

– Отнеси, бабулечка, эту куклу Беяне, она ей очень нравилась. Я уже большая, мне куклы ни к чему, а ей радостно будет.

– Ладно, ладно, отнесу, – покивала головой Поветиха.

Она вспомнила, как не успела отнести яблоки, и тяжело вздохнула.

А ночью Поляна проснулась оттого, что дочка, дрожа, залезла к ней под одеяло.

– Ох, мамочка, какой мне страшный сон привиделся! – девочка прижалась к матери, ища у нее защиты и успокоения.

– Страшный, говоришь? Ну, Расскажи мне, а то снова заснуть не сможешь.

– Снилось мне, будто сижу я у Беяны в избе, а она больная на лавке лежит. И вот смотрю я, а у нее из живота вдруг какой-то светящийся шнур появляется и начинает тянуться к двери. Потом ползет под дверь, я тихонько – за ним. Дверь открыла, гляжу – а шнур в колодец, что у них в сених, спускается. И вроде не шнур это, а как ручей светлый. И течет он из беяниного живота в колодец. А сама-то Беяна все бледней становится, все бледней. Тут дверь как хлопнет! Я от страха и проснулась.

Девочка прижалась к теплому боку матери, поджала колени к подбородку, натянув на них подол длинной рубахи. Ее била крупная дрожь. Даже зубы выстукивали – щелк-щелк – страшно!

Поляна обняла девочку, погладила ее по волосам, коснулась подрагивающей щеки.

– Ну, что ты, что ты, Ясочка моя! Чего снов-то пугаться? Сон – он и есть сон. Утро придет, ты про него и забудешь. Ишь, дрожь-то тебя как пробирает! Ничего не бойся. Я завтра к Беяне сама схожу, привет от тебя передам. А ты – спи. О страшном не думай. Лучше вспомни что-нибудь хорошее. Ну, хоть как мы летом на речку ходили. Помнишь, какая вода в ней была: теплая, прозрачная. А как она на солнышке сверкала! А стрекозки, стрекозки, помнишь, какие красивые над водой летали? А ты их все поймать норовила?..

Журчит полянин голос, то тише, то громче, как речка плавная течет. И Яся постепенно успокаивается. Вот уже и глаза прикрыла, вот уже снова она на берегу речки пересыпает из ладошки в ладошку горячий песок.

– Спи, доченька, спи, крошка моя! Пусть обойдут тебя стороной горести и страхи.

Наутро Поляна, как и обещала, отправилась к соседям проведать Беяну. Ухнув у крыльца в наметенный ночью сугроб, зачерпнув полные валенки рыхлого снега, хотела, было, вернуться, снег вытряхнуть, дорожку расчистить, да передумала. Идти-то до соседнего дома всего ничего, авось, снег в валенках растаять не успеет. А дорожку она потом расчистит.

Поляна знала, с каким нетерпением ждет дочка вестей о подружке. Зачем же томить ее неизвестностью?

Вот и порог соседей. Мгновение Поляна помедлила, вглядываясь в дверную ручку: что ждет ее? Вдруг за дверь – беда непоправимая?

Тихонько отворив дверь, Поляна переступила порог, очутившись в темных сенях. И – вскрикнула от неожиданности. То, что она увидела в пропахшей плесенью темноте сеней, была словно картинка из ясиного сна. Из-под закрытой двери из горницы тянулся светлый ручеек, пропадая другим своим концом в колодце. Поляна зажмурилась, потрясла головой, отгоняя наваждение, но, когда она вновь открыла глаза, ничего не изменилось.

Женщина ринулась в горницу. Там было светло, но и в свете зимнего утра Поляна ясно разглядела текущий по полу «ручеек», начало которого – она уже знала это – нужно было искать в больной девочке.

О, Боги, что же это такое! Поляну забило крупной дрожью.

– Беляночка, дружок, что с тобой? – кинулась она к лежащей на лавке девочке.

– Тетя Поляна, я так устала, мне так все надоело! – больная подняла подернутые оловянной поволокой безразличные глаза.

– Да что ты такое говоришь, милая? А я тебе от Яси, подружки твоей, привет принесла. Она ждет не дождется, когда ты поправишься.

– А я и не поправлюсь. Из меня силы уходят, словно водичка утекает. Мне уж и рук-то не поднять, да и не хочется.

– Водичка... Силы, как водичка... Ручеек, светлый ручеек... Силы уходят...

Поляна почему-то вдруг поняла, что источник болезни – вот этот, только что виденный ею светлый ручеек, с которым утекают силы, здоровье, жизнь несчастной девочки.

– Нет, не позволю! – Поляна неожиданно для себя взмахнула рукой.

И представилось ей, что в руке у нее – сияющий меч. Мгновение – и меч перерубил светлую полоску «ручейка».

– Ты чего это, соседка, руками машешь? – мать Беляны шагнула из сеней с ведром парного молока.

– А? Что? – Поляна очнулась и в недоумении оглянулась назад.

У порога она увидела мать девочки с подойником в руках, а вот светлый «ручеек» исчез. Вернее, конец его, обрубленный конец, мелькнул под ногами женщины и исчез за порогом избы. Поляна кинулась в сени, успев заметить, как «ручеек» скользнул в колодец и утонул в нем, растворился в темной воде.

Поляна вернулась в горницу и не поверила своим глазам: больная девочка сидела на лавке и, поддерживаемая матерью, пила из большой кружки парное молоко.

– Ты что это с моей доченькой сотворила, соседка? – на Поляну смотрело счастливое лицо матери. – Гляди-ка, молочка она попросила! За два дня в первый раз. Сама попросила! А то и от водички отказывалась. Отвары, да настойки, что Поветиха приносила, еле-еле глотала, да и то ее уговаривать полдня приходилось. А тут говорит: «Мама, дай мне молочка парного!»

Поляна растерянно моргала глазами. Она сама не понимала, что же произошло. Хотя нет: то, что болезнь была связана со светящимся «ручейком», уносящим силы ребенка в стоячую воду колодца, это Поляна уразумела. Так же, как и то, что ей удалось ручеек этот прервать, а с ним – и утечку здоровья.

Поляна в изнеможении плюхнулась на лавку. В голове все еще мелькали обрывки каких-то мыслей, которые она пыталась выстроить в четкую последовательную шеренгу. Ей это почти удалось, но тут в избу ввалилась закутанная в платки Поветиха. И мысли Поляны вспорхнули, как стая напуганных воробьев, – ищи ветра в поле!

– Бабушка, милая, гляди, какое чудо у нас тут случилось! – мать Беяны на радостях кинулась обнимать знахарку, чуть не свалив при этом на пол неповоротливую в тулупе женщину.

– Никак, Беяна поправляться начала! – Поветиха подозрительно покосилась на Поляну. – Уж не ты ли помогла?

– Сама не пойму, как это получилось, – задумчиво произнесла Поляна. – Понимаешь, сначала Яся во сне увидела, а потом я – наяву. Будто тянется от девочки к колодцу ручеек светлый, а с ним силы и здоровье утекают.

– Так я и знала! Ведь говорила же, весь язык измозолила – не послушались.

Поветиха в досаде стукнула сухим кулачком по столу.

– Что говорила, бабушка?

– Говорила, что колодцы в доме рыть – беду в дом звать! Точно-то я не знала, какую именно беду, да только стоячая вода – она и есть стоячая! Не зря мне еще бабушка об этом говорила: жди беды от стоячей воды!

Поветиха повернула к Поляне сморщенное личико:

– А как же ты Беяне помочь смогла?

– Не знаю. Просто так захотелось помочь, оборвать этот ручеек проклятый! А как – не помню...

– Так, Поляна, собирайся, ты тут уже больше не нужна. Пойдем-ка с тобой к Ивице, я от него только что. Больно плох мальчонка! Может, и ему помочь сумеешь?

Наскоро обмотав голову платком, Поляна кинулась вслед за Поветихой. Та, даром что стара, шустро ковыляла к соседней избе. На пороге Поляна помедлила, потянув знахарку за воротник тулупа, чтобы и та остановилась.

– Постой, бабушка! Дай, я первая войду, посмотрю в сени, где колодец.

– И верно, иди вперед, а я за тобой следом. Мне тоже поглядеть охота!

Женщины потихоньку отворили дверь и с опаской заглянули в сени.

– Так и есть! – воскликнула Поляна. – Вот он, ручеек, и здесь течет.

– Где, где? – бабка Поветиха, подпрыгивая, пыталась заглянуть Поляне через плечо.

– Ничего не вижу, – пробормотала она разочарованно. – Какой ручеек-то?

– Ну, как же не видишь, вот же он, – Поляна шагнула пару раз и остановилась у колодца. – Гляди, вот он, прямо у моих ног!

– Да не вижу я ничего, темень – хоть глаз коли в сенях этих! Где ты тут чего увидела?

– Странно, а я – вижу. погоди, дай-ка я вспомню, что делала в прошлый раз!

Поляна нахмурила брови, сосредоточилась, но вспомнить ничего не смогла.

– Да ты в горницу зайди, погляди на Ивицу, – Поветиха подталкивала Поляну в спину.

За дверью в избе звякнула упавшая на пол чашка. Женский голос, вздрагивая от страха, ударился в стены:

– Сыночек, сыночек, ты глазки открой! Ивица, мальчик мой, не уходи...

Поляна вихрем влетела в горницу. Там на лавке у теплого бока печки лежал мальчик. Его восковое личико без единой кровинки, заострившийся носик, редкое еле слышное дыхание – все говорило о том, что последние капли жизни утекают из этого хрупкого тельца. Но Поляна разглядела еще и светлый жгут, тянущийся из живота мальчика к входной двери. Был он тонок и еле заметен, но был! И последние силы утекали по нему в темный зев колодца.

– Нет, не позволю!

Опять на Поляну нашло какое-то наваждение. Опять почувствовала она в своей руке сияющий меч. Один взмах – и ручеек разрублен.

Дрожь еще била Поляну, вернее, какая-то внутренняя вибрация. На этот раз ей удалось запомнить свои ощущения, такие необычные и пугающие. Но вот гнев сменила радость, просто

ликование какое-то! Женщина открыла глаза и недоверчиво взглянула на больного мальчика. Шнура уже не было. Ребенок открыл глаза, на щеках его робко проступал румянец.

Ошеломленная Поветиха стояла у изголовья больного, забыв захлопнуть рот. Мать мальчика еще сжимала его ручонки, уткнувшись лицом в одеяло, и не замечала произошедшей перемены. Поляна подошла к ней и тихонько тронула за плечо.

– Встань, принеси-ка молочка парного, напои сынишку.

Женщина подняла на Поляну обезумевшие от горя глаза:

– Какое молочко! Помирает Ивица...

– Да нет же, погляди, вот он и глазки открыл. Смотри, щечки порозовели, и губы тоже. Ивица, хочешь молочка?

– Хочу! – голос был еще слаб и еле слышен.

– Ох, – очухалась Поветиха. – Поляна, ты же его почти с того света вытащила! Как это у тебя получилось?

– погоди, бабушка, не спрашивай! Я еще сама толком не разобралась. Одно знаю – это не случайность. Чувствую – могу помочь ребятишкам больным. Помнишь, ты говорила, будто сила во мне какая-то? Вот это она самая и есть, наверное. Пойдем-ка еще к кому-нибудь из больных сходим!

До поздней ночи ходили женщины из избы в избу, туда, где непонятная болезнь подкосила ребятню. И везде Поляна видела одну и ту же картину. Теперь она уже научилась управлять собой, сознательно вызывала в себе чувство гнева, представляя разящий клинок в руке, бесстрашно бросалась в атаку. А тем временем Поветиха рассказывала родителям детей, откуда взялась она, эта проклятая болезнь.

Мужчины, не откладывая, брались за лопаты и засыпали колодцы в сених. Бог с ней, с водой, привезем из речки! Главное, чтобы дети больше не болели.

Вечер окутал небо звездным покрывалом. Поляне всегда казалось, что ночь надевает на небосвод черный зипун с множеством дырочек. Там, за этим дырявым покрывалом, по-прежнему светло и солнечно, яркие лучики пробиваются к ночной земле через прорехи, а нам кажется, что это звезды сияют.

Но сегодня небо было таким высоким, таким бездонным! Самые мелкие звездочки светились так ярко, будто это не светлые точки на черном фоне, а наоборот, сияющее небо покрыто легкой черной кисеей.

Поляна прислонилась к плетню и закинула голову. Силы почти оставили ее. Где-то далеко лаяли собаки. Одной из них, видимо, было особенно тоскливо: ее лай переходил в протяжный вой. Снег заскрипел и смолк: горячий язык Серка прошелся туда-сюда по щеке женщины.

– Ах ты, озорник! – Поляна оттолкнула навалившуюся на грудь, радостно виляющую хвостом и заглядывающую в глаза зверюгу. – Рад, что нашел хозяйку? Да перестань ты лизаться, черт лохматый! Видишь, и так еле стою.

Серок взвизгнул, восторженно принялся скакать вокруг Поляны, хватая ее зубами то за рукава, то за полы шубейки. Видно, пес решил, что сейчас самое время поиграть.

– Ну, отстань ты, Серок, в снег же свалишь сейчас! Тьфу ты, поганец! – Поляна отбивалась от разрезавшейся собаки, пока та не свалила-таки ее в сугроб.

Мгновение – или вечность лежала Поляна в мягкой пушистой снежной колыбели? Сверху на нее хлынул невесомый сияющий поток. Он остудил пылающие щеки, смыл усталость, наполнил душу ликованием. А Серок уже тыкал в бок носом, приглашая встать и продолжить игру. Поляна села в сугробе, отряхнула платок, заправила под него выбившиеся пряди волос.

– Ну, Серок, держись! Сейчас ты у меня получишь! – шутливо пригрозила она собаке.

Пес взвизгнул, запрыгал вокруг, залаял, припадая на передние лапы и виляя хвостом. Поляна поднялась на ноги и позвала собаку:

– Пошли, баловень, домой, а то Яся, поди, волнуется – куда это мамка запропастилась?

В избе большая печь исходила теплом и уютом. Головокружительно пахло свежеиспеченным хлебом. Поляна только сейчас поняла, что у нее живот подвело от голода. Лучина роняла горящие угольки в подставленную лохань с водой, и те шипели, недовольные тем, что их век так короток.

Яся сидела на лавке у лучины и, напевая немудреную песенку, крутила веретено. Увидев входящую мать, девочка отложила пряжу и бросилась к двери.

– Матушка, бедная моя, устала-то как! Сколько же ребят ты сегодня вылечила?

– Постой, Яся, кто же к тебе заходил, да все рассказал?

– А никто. Я сама узнала.

– Сама? Как это?

– Да очень просто, мамочка. Я тебе сейчас все расскажу, только дай с тебя валенки стащить. Садись к печке, погрейся, пока я на стол соберу. Ты же голодная, поди!

Дочка проворно накрыла столешницу чистой льняной скатертью и напластала источающие сытный дух ломти хлеба, налила в глиняную миску дымящиеся щи, достала расписную деревянную ложку.

– Ешь, мамулечка!

– Спасибо, дочка. Сама-то что не ешь?

– А я не голодна.

Яся устроилась у стола напротив матери, подперла щеку ладошкой.

– Ты мне рассказать хотела...

– Я сейчас, сейчас. Вот ушла ты Беляну проведывать, а я – волнуюсь, места себе не нахожу. Так бы и побежала следом! Ты же знаешь, что Беляна – моя самая лучшая подружка. Как мне хотелось пойти с тобой вместе! Села я тогда к окошку, смотрю на узоры морозные, а сама представляю, будто я с тобой рядом. Вот, думаю, мы сейчас к крыльцу подходим, вот – дверь открываем. Ручка на той двери особая – из кривого вишневого корешка сделана. Вот в сени вошли...

Тут я, и взаправду, как будто с тобой рядом оказалась. На окошко смотрю, а не вижу его. Зато вижу сени темные с колодцем, а к нему ручеек светлый из-под двери горницы бежит, как во сне моем давешнем! Потом будто вошли мы в горницу, а Беляна на лавке лежит. И ручеек тот из живота ее начинается.

Ты с Беляной разговариваешь, только я никак не пойму, о чем вы. А потом ты как рассердишься, хватъ меч – откуда он взялся – не знаю. Как рубанешь мечом по ручейку – и зарубила его. Беляне сразу лучше стало. А потом бабушка Поветиха пришла, и вы с ней к Ивице отправились, а потом к другим больным ребятам...

Дальше я не смотрела: успокоилась, ведь ты Беляне и Ивице помогла. Ну, думаю, ты и остальным поможешь. Занялась хозяйством – корову доить, печку топить, обед варить.

Поляна забыла про еду. Она во все глаза смотрела на дочку:

– Ты видела? Ты видела это? И ручеек, и меч – видела?

– А что тут такого, мамочка? Я всегда, когда волнуюсь за тебя, смотрю, что ты делаешь, если ты не рядом. А как же иначе? Помнишь, когда ты ходила Синюшку с трубы снимать, я тоже смотрела. Вот только мне непонятно, почему ты никому не сказала о тех четырех типах, какие в дедовой избе ночью сидели?

У Поляны ложка из рук вывалилась.

– Так ты и об этом знаешь?

– Знаю, конечно. Это же так просто!

– Ничего себе, просто! А еще за кем ты смотреть можешь?

– Не знаю, я не пробовала. Я же о тебе волнуюсь, а не о других.

– А о Беляне?

Девочка помолчала немного, подумала.

– Нет, ее я видела, когда ты рядом с ней была. А так, одна, она мне только снилась.

Яся посмотрела на побледневшую мать и спохватилась:

– Да ты ешь, ешь – остынет же все! Тебе отдохнуть надо, вон ты какая бледная! Мы после с тобой поговорим. Сейчас поешь – и спать. Мы сегодня на печи обе ляжем, там тепло. А то к утру изба выстудится – чуешь, какой мороз на дворе!

Дочка еще щебетала о чем-то, а сон уже липкой паутиной окутывал уставшую Поляну. Зевнув и потянувшись сладко, она полезла на печку, подсаживаемая заботливыми руками дочери.

– Спи, мамочка, спи, родная моя!

Шелковистые колечки овчины приласкали щеки Поляны, и она провалилась в волшебное царство снов.

Глава 5

На исходе зимы завьюжило – заметелило. Словно кто-то невидимый принялся усердно мешать ложкой белую снежную кашу в котелке деревенских улиц. Хлопья снега летели, как попало: вниз, вверх, в стороны. Поляна вышла корову доить – и захлебнулась на пороге снежным месивом.

– Ну и погодка! Дома соседнего не видно. Как бы валенки в сугробах не потерять!

Зато в хлеву было тепло и уютно. Ни одной щелочки не оставила Поляна в его стенах, летом еще замазала смесью глины и навоза. Некуда запустить выюге свои холодные пальцы!

Зорька недавно отелилась. Рыжий с белой звездочкой на лбу теленок стоял тут же, неподалеку, в отдельной загородке. Он потянулся к хозяйке любопытной мордочкой, заглянул в ведро: что принесла?

– Погоди, Буян, не время еще тебя поить. Вот подою мамку твою, тогда и тебе молочка тепленького достанется.

Корова покосилась на Поляну черным глазом. Она уже встала с подстилки и в нетерпении переминалась с ноги на ногу. Поляна подкинула в ясли охапку сена, уселась на маленькую скамеечку, сноровисто обмыла теплой водой и вытерла тряпкой вымя. Первые струи молока ударили в подойник. Не прошло и десяти минут, как ведро было полно.

– Спасибо, Зорька, спасибо, умница моя! – Поляна всегда благодарила корову после дойки.

Та привычно подставила шею – почесать. Буян нетерпеливо поддал головой в стенку загородки – про меня забыли, что ли?

– Сейчас, сейчас и тебя напою, – Поляна отлила часть молока в небольшую лохань, подставила теленку, придерживая, чтоб не разлил.

– Ну, вот и молодец! Раста большим и сильным.

За порогом хлева ветер вновь, озорничая, кинул в лицо женщины пригоршню снега, сдернул с головы платок, запутался в сарафане между ног. Из-под порога выглянул Серок, весь припорошенный снегом.

– Ну что, замерз, бездельник? – Поляна потрепала собаку по лохматой заснеженной голове. – Ладно уж, иди в сени погреться, только отряхнись сначала.

В избе Яся уже расставила на столе глиняные крынки и, приняв подойник из рук матери, принялась цедить в них молоко через чистую тряпочку.

– Мам, а когда кашку домовому будем варить – сегодня?

– Сегодня, сегодня, Ясочка моя.

– А вдруг он нашу кашу не захочет есть?

– А мы ее повкусней сварим, да попросим его получше.

– Мам, а ты его, домового, видела когда-нибудь?

Поляна задумалась.

– Знаешь, вообще-то домового видеть – не к добру. Он людям обычно перед бедой показывается.

– А вот мне Беляна рассказывала, что домовый к ее бабушке приходил не раз, когда дед в отъезде был. Ляжет она, бывало, спать и чувствует вдруг, что рядом, будто кто лежит. Видеть никого не видит, а только чувствует ногу волосатую рядом со своей ногой. Поначалу пугалась, а потом-то привыкла. Так он, охальник, к ней обниматься полез! А бабушка и говорит: «Покажись»! Он ей и показался – видный такой мужчина. Глаза – синие-синие, а губы – красные-красные!

– Да ей это приснилось, поди!

– Скажешь тоже, приснилось: утром дед приехал, глядь – а у бабушки на плечах следы от пальцев. Вроде синяков, будто ее кто-то сзади за плечи держал.

– Ну, и дальше что? – усмехнулась про себя Поляна, находя объяснение случившемуся вовсе не в шалостях домового.

– А ничего. Не приходил больше гость ночной, дед как-то отшептал.

– Может, и не домовый то был, – уже открыто рассмеялась Поляна.

– А можно узнать, домовый это, или нет?

Поляна постаралась сделать серьезное лицо.

– Знаешь, говорили мне, будто перед тем, как явиться домовому, человека словно парализует всего: ни рукой, ни ногой двинуть не может. Если почувствуешь такое, надо мысленно спросить: «К худу, или к добру?» А в голове твоей ответ будет, словно это ты сам подумал.

– Мамочка, ну, неужели за всю жизнь ты ни разу с домовым не встречалась?

– Ох, Яся, не рассказывала никому, а тебе расскажу. Была я девочкой еще, как ты сейчас. И наслушалась, не хуже тебя, разговоров про домовых. И так любопытно мне стало, так захотелось на домового посмотреть хоть одним глазком! Вот легли однажды спать, а я не сплю, лежу и прошу домового мысленно – покажись, покажись. Долго просила, уж и придремывать начала. Вдруг чую, будто парализовало меня. А в голове – голос: «Не покажусь, расскажешь»! Я мысленно прошу: «Не расскажу, покажись». Смотрю, а рядом со мной – старичок. Росту маленького, как ребенок лет семи, голова лохматая, а во рту всего один зуб. Не успела я его рассмотреть, он и пропал.

– А что же ты не спросила, к худу, или к добру?

– Спросила. Только он ничего не ответил. Видно, просто приходил, познакомиться.

– Ой, мамочка, я тоже хочу на домового поглядеть!

– Не гневи Богов, Яся, ни к чему это. Вот кашу ему сегодня сварим, угостим – и ладно будет. Сегодня ночью у домовых праздник. Ходят они друг к другу в гости. Вот и к нашему домовому придут гости – чем он их угощать станет? Если нечем будет – рассердится, потом беды не оберешься. Может и совсем уйти, а может перестать дом стеречь, станет всякие пакости творить: посуду бить, кота за хвост трепать, а то и поджечь избу может!

– Страшно-то как! Нет, с домовым лучше дружно жить. Я сама ему кашку сварю, в самый красивый горшок положу – пусть угощается!

– Вот и ладно. Еще чарку приготовь, для вина.

К вечеру каша была готова: сладкая, переслоенная затопленными молочными пенками, сдобренная горстью распаренных сушеных ягод. Яся постелила на лавку за печкой новое вышитое полотенце, поставила на него расписной горшок с кашей, чарку до краев наполнила малиновой настойкой.

Поляна поклонилась низко и произнесла:

– Хозяин-батюшка, сударь-домовой, меня полюби, да добро мое береги, мою скотину береги, мое угощение прими и вина отпей из полной чаши.

После этого полагалось ложиться спать, и хотя было еще не очень поздно, Поляна задула свечу и полезла к дочке на печку. На душе у нее было спокойно, как никогда, и сон пришел быстро. А Яся еще долго ворочалась с боку на бок, борясь со сном и надеясь хоть одним глазком посмотреть, как домовый придет кашу есть...

Наутро Поляна разбудила дочку до зари:

– Смотри, Яся, кашка-то съедена, да и чарка пуста.

– Понравилось, понравилось домовому наше угощение! – девочка кубарем скатилась с печки и кинулась к лавке с опустевшей посудой.

– Ну, вот и хорошо. Помой-ка, Яся, горшочек, а то домовый страсть как нерях не любит! Как только в окна зарозовела заря, пришла Поветиха. Как всегда – с новостями.

– Слыхали, в деревню к нам новый жилец пришел?
– Это когда же?
– Да вчера, в самую пургу. Видный такой мужчина! Говорит, вдовец.
– Откуда же он явился?
– Кто его знает, не сказывал! Остановился пока у дядьки Ивеня.
– Он что, родственник ему, или как?
– Нет, какой там родственник! Просто в крайний дом постучался. Кто же в такую пургу путника в избу не пустит? Говорит, надоело по свету мыкаться, хочет у нас на постоянное житье остаться.

– А где же он жить будет? У Ивеня и без того полна хата народа, а избу строить зимой тоже не дело.

– Вот я и пришла к тебе по этому поводу: одна ты пособить можешь!
– Нет уж, я к себе чужого мужика не пущу жить! – Поляна даже руками замахала.
– А тебя никто и не просит его к себе пускать. Дом свекра твоего и по сей день пустует. Он-то мужику и приглянулся. Ты, как единственная хозяйка, не разрешишь ли ему там поселиться?

– Опомнись, Поветиха, ты забыла, что дом тот – нечистый, кровью запятнанный? Вся деревня его стороной обходит. Как же в нем жить?

– Да знает, знает пришлый, что дом этот дурную славу имеет. Только ему – все равно.

– Ну, коли так, его дело. Пускай живет, если хочет.

– Вот и хорошо, вот и спасибо, Поляна. Доброе дело сделала. Пойду к Ивеню, передам твое согласие бобылю. То-то он обрадуется! – и Поветиха засеменила в двери, на ходу замахивая голову платком.

– Мам, а я никогда бы в этом доме не поселилась! Как вспомню, что в нем с Синюшкой сделали, – мороз по коже. А вдруг темные все еще в доме прячутся?

– Кто их знает, может, и прячутся. Знаешь, доченька, у меня вот что из головы не идет: мужики те, вроде, в доме были, а следов не оставили. Пыль там везде нетронутая была. И еще: показалось мне, что один из них – дед твой, а ведь он покойник уже десять лет! Если бы и ты темных тех не видела, я бы подумала, что все мне просто привиделось со страха.

– Да ладно, мамулечка, чего гадать-то! Вот поселится в доме жилец – тогда и посмотрим. Если там что нечисто – он и дня не проживет, сбежит!

Яся деловито загремела посудой, а Поляна накинула шубейку и отправилась доить корову. Немного погодя она вновь вошла в избу с полным подойником.

– Яся, ты крынки пригото?.. – Поляна так и не договорила, удивленно уставившись на сидящего на лавке мужчину.

На вид ему было лет сорок: виски уже начали серебриться, в черной бороде тоже тут и там поблескивали седые волоски. Жесткое, волевое лицо можно было бы назвать приятным, если бы не глаза. Заглянув в их бездонные черные глубины, Поляна почувствовала легкое головокружение и озноб по всему телу.

– Вот, хозяйшкa, пришел поблагодарить за жилье.

Гость не встал, не поклонился, не поздоровался даже, как принято было испокон веков. Напротив, он вел себя так, будто это Поляна пришла к нему с просьбой. Все его вальяжно развалившееся на лавке тело говорило о привычке повелевать, а глаза пронизывали женщину насквозь.

Однако Поляна, насмотревшись в свое время на ухажеров, привыкшая всех их ставить на место, не растерялась, не оробела.

– А что же это ты, мил человек, к добрым людям пришедши, ведешь себя как-то странно? Или забыл, как с хозяевами здороваются?

Гость не смутился.

– Издалека пришел, обычаев ваших не знаю. Коли обидел – не нарочно.

– Ну-ну! – Поляна отвернулась от гостя, давая понять, что цену себе знает и извинение не принимает. – Яся, дочка, процеди-ка молоко!

– Что ж, не буду вам мешать, – гость поднялся с лавки и почти уперся головой в потолок, так высок был. – В избе я сам управлюсь, а вот огород посадить, не пришлешь ли дочку помочь?

– А с какой это стати девчонка здоровенному мужику помогать должна? У нее что, дома дел мало? Если сам управиться не в состоянии – женись, пусть жена тебе и помогает.

– Это ты хорошо придумала, – незнакомец криво усмехнулся. – Может, к тебе и зашлю сватов по весне, когда огород сажать время придет. Ты, говорят, вдовая.

– Это кто же говорит? Уж не те ли жеребцы, каким я от ворот поворот дала? Так вот, советую запомнить: ко мне можешь не подкатываться. Я – мужняя жена, а не вдовица. И вообще – разрешили тебе в доме свекра моего жить, ну и живи. А меня оставь в покое. Прощай!

– До свидания, хозяйюшка, до свидания! – гость еще раз нехорошо усмехнулся и шагнул за порог.

Из-за печки выглянула Яся.

– Мам, он ушел?

– Ушел, ушел, вылезай из своей норки, мышонок. Ты, никак, испугалась?

– Ага, испугаешься тут: сижу в избе одна – и вдруг он входит. Я думала, головой крышу поднимет. Ничего не сказал, не спросил даже, где ты есть. Сразу на лавке развалился и ну меня разглядывать! А глаза-то прямо окаянные! Я и стрельнула за печку – от греха подальше.

– Ох, не понравился мне что-то мужик этот!

– Недобрый он, мама, черный весь.

– Ну, не все же черноволосые недобрые, доченька! Вот хоть отец твой...

– Нет, мама, он весь – черный! Ну, как будто в черном яйце сидит.

– Что-то я тебя не пойму.

– Ну, как же, вот твое яйцо – светлое, лучистое, у бабушки Поветихи – фиолетовое, у дядьки Ивеня – красное...

– Постой-постой, какие еще яйца?

Яся удивленно заморгала глазами:

– Ты что, не видишь разве? Ведь каждый человек в своем яйце сидит, только цвет его у каждого свой, и размер тоже. Это как бы из дыма цветного облачка. Я думала, все это видят.

– Нет, доченька, я об этом впервые слышу. Ну-ка, расскажи подробней.

– А что тут рассказывать! Вот у Ивеня, например, яйцо на пол-аршина за туловище выходит, а у Поветихи – сажени на две.

– А у меня?

– У тебя – всю избу заполняет, да еще и наружу выходит. Раньше оно поменьше было, как у Поветихи, а теперь все растет вот уже несколько месяцев кряду.

– Ну, а у этого, у гостя нашего?

– У него яйцо тоже в избе не помещается, только черное, как ночь осенняя.

– И что, доченька, цвет яйца никогда не меняется?

– Меняется. Вот, когда у тебя голова болит, то в яйце коричневое пятно появляется. А у папы... Ой! – девочка зажала рот ладошкой и распахнула глаза.

– Что – у папы?

– У него яйцо сначала зеленое было, а как дед помер – вдруг почернело.

– Что, что ты говоришь такое?

– Точно, мама, я сейчас вспомнила. Он как пришел домой после дедовой смерти, до похорон еще, так уже черный был. Я думала, от горя.

– Может, и от горя: отец помер все-таки. А пришлый тоже, видимо, горюет – вдовец он.

– Может быть! – девочка задумалась. – А почему тогда яйцо у тети Любимы цвет не изменило? Ведь у нее сынок умер – это ли не горе?

Поляна пожала плечами.

– Кто его знает, почему. Может, у женщин все не так, как у мужчин? Ладно, хватит загадки разгадывать. Давай-ка молоко цедить, пока не остыло.

Яся расставила на столе чистые крынки, приготовила тряпочку и взялась за подойник.

– Ой, мамочка, что это с молоком случилось?

– А что такое? Молоко, как молоко.

– Да ты погляди сначала, а потом говори. Оно же скисло!

– Быть не может! Я только что Зорьку подоила, полчаса назад. Как за это время парное молоко скиснуть могло?

Поляна заглянула в подойник.

– Гляди-ка, и верно, скисло. Вот это да! Сколько живу на свете – впервые вижу, чтоб парное молоко в подойнике прокисло. Его и квасить-то возьмешься, так раньше, чем часа через три, да еще на печке, оно ни за что не скисает. А тут – за полчаса!

Поляна сокрушенно покачала головой и стала убирать крынки со стола.

– Что же, Яся, снеси тогда это молоко Серку, пусть уж напьется вволю, он и кислое любит.

Яся выскочила на крыльцо, нашарила собачью миску и, наполнив ее молоком до краев, позвала:

– Серок, Серок, иди сюда!

Однако собака не кинулась к ней, как обычно, визжа от радости и виляя хвостом. Она вообще не показалась на глаза.

Яся заглянула под крыльцо: может, приболел Серок, выходить не хочет? Нет, под крыльцом пса тоже не было.

– Странно, куда же он запропастился? Верно, к подружке какой-нибудь на свидание побегал.

Серка не было два дня. Явился он только на третий день, к вечеру. Осторожно просунул голову в калитку, огляделся, прижав уши, почти ползком добрался до крыльца и юркнул под него. Яся, наблюдавшая за маневрами собаки, схватила миску с молоком и выбежала на крыльцо, кормить своего любимца.

– И где же ты, гулена, бегал? – корила он пса, одной рукой теребя его за шею, а другой, подсовывая к носу миску с кислым молоком. – Проголодался, поди? Ну-ка, поешь вот.

Но Серок, хотя и был голоден, повел себя очень странно. Шерсть у него на загривке встала дыбом, а сам он угрожающе зарычал, показывая острые белые клыки.

– Ты что, Серок, не узнал меня?

Собака продолжала рычать, потом, прыгнув вперед, ударила лапами по миске и разлила молоко на снег.

– Тьфу ты, дурной! Ты зачем это молоко разлил? Чем я теперь тебя кормить буду? – Яся не на шутку рассердилась.

Но тут она взглянула на пролитое молоко и опешила: над белым молоком на белом снегу висело черное облачко. Может быть, и Серок видел его. Во всяком случае, он прижал уши к голове, поджал хвост и забился в самый дальний угол под крыльцом.

На мгновение солнышко выглянуло из-за туч, и Яся не поверила глазам – черное облачко сразу съежилось, уменьшилось до размеров небольшой крысы и – юркнуло в щель под поленницей.

– Ну и ну! – девочка вернулась к собаке. – Ты видел, Серок?

Но Серок ничего не ответил: свернувшись клубочком, он уже спал.

Из избы Поляны новости разбегались по селу быстро, как круги по воде. Теперь их разносила не только Поветиха, регулярно заходявшая к Поляне, но дальние и ближние соседи. Односельчане часто бывали здесь. В благодарность за вылеченных Поляной детей они старались, чем могли, помочь одинокой женщине. Кто воды с речки привезет, кто поможет снег разгрести, а кто и просто так, язык почесать, забежит.

Дядька Ивень заходил нечасто, зато основательно. Поздоровавшись, откашлявшись и размахнув по щекам усы, он степенно интересовался, как дела у дорогой соседки, нет ли в чем нужды?

– Что ты, дядька Ивень, – Поляна махала, смеясь, руками. – Забаловали вы меня: скоро совсем обленюсь, все вы за меня делать будете.

Дядьку такие речи обмануть не могли. Наметанным мужским взглядом он тут же примечал и поломанный плетень, и торчащий из столешницы гвоздь, и отошавшую за зиму поленницу. Он молчком брал топор, молоток, пилу – и сноровисто поправлял огрехи.

После работы Ивень любил посидеть с Поляной за чашкой ароматного чая на травах. Делал он это так же основательно, как и работал. Пар валил от его широченных плеч не хуже, чем от кипящего самовара, глаза лукаво постреливали то на Поляну, то на Ясю, а губы знай, причмокивали, потягивали чай за чашкой чашку. И так уютно, спокойно становилось Поляне рядом с этим мужчиной. А в сердце занозой сидело: почему не мой Славень тут? Где, в каких краях осел, зацепился он? Неужели забыл, разлюбил, предал?

– А что, Поляна, как тебе новый односельчанин показался? – дядька Ивень лукаво прищурился.

– Да никак. Чужой, он и есть чужой: даже поздороваться по-людски не умеет, или не хочет. Да и наглый какой-то.

– А вот ты ему глянулась: все про тебя спрашивал. Сватов хотел засылать.

– Что, работница понадобилась, огород сажать? – фыркнула Поляна. – Уж ты-то, Ивень, знаешь, что я не вдова, что ж не вразумил мужика?

– А ему не докажешь! И слушать не хочет, видно, запала ты ему в сердце.

– Это когда же я ему в сердце запасть успела? Мы и виделись-то всего несколько минут. Да и не привечала я его! Наоборот, постаралась поскорей выставить нахала. Неприятный он человек, от него даже парное молоко скисает! – рассмеялась Поляна.

– Что такое, какое молоко? Парное? – Ивень почему-то нахмурился.

– Да это я пошутила. Молоко, правда, прокисло, только он тут ни при чем.

– Это как сказать! У меня тоже парное молоко прокисло, когда он у меня ночевал. И в другой раз – когда он заходил про тебя спрашивать. А я не придал этому значения, – Ивень задумчиво почесал в затылке. – Странно, ты не находишь?

– Действительно, странно.

– А еще я заметил, что его собака не любит. Мой Шарик, как его завидит, готов будку на цепи в лес уволочь, так его боится. А ведь он пса не бил, не дразнил, вообще на него внимания не обращал.

– Вот и наш Серок два дня в бегах был, – вспомнила Яся. – И молоко прокисшее пить отказался. А еще...

Тут Яся опомнилась и замолчала. Ивень отставил выпитую чашку и поднялся.

– Да, с чудинкой мужик-то, – подытожил он. – Надо к нему приглядеться.

И дядька распрощался. А Яся еще долго обдумывала услышанное, сопоставляя его со своими впечатлениями.

– Мне тоже надо приглядеться, – решила, наконец, она.

И стала мыть посуду.

Поветиха не спала уже которую ночь. Стоило ей закрыть глаза, как кошмары одолевали бедную старуху. Она то ворочалась на лавке, умащая на «каменной» подушке изболевшуюся голову, то лезла к деду на печку, но и там не находила покоя.

– Ну что ты, старая, никак места себе не найдешь? – ворчал дед Сучок. – И возишься, и возишься, как жук в навозе. Чего не спится? И мне покоя от тебя нет.

– Да разве я виновата? – оправдывалась Поветиха. – Вот ты никак понять не хочешь, что и сама я измаялась совсем. Все косточки ломают, спать хочу, а закрою глаза – такая жуть привидится, что готова опять всю ночь не спать.

– Да чего ж такого страшного ты боишься? – недоумевал дед.

– А вот то-то и оно, что боюсь. Вроде, ничего особенного и не видится. Ну, например, кажется, что деревня наша в темень погружается, как в омут черный. И такая жуть меня вдруг пронизет всю, что каждая жилочка дрожит. Или вот вчера приснился пришлый мне. Вроде, явился к нам в избу, на глаза – капюшон надвинут. А как откинул капюшон-то – а там рожа такая страшная, что и слов нет описать. И так – каждую ночь.

– Ты бы, бабка, на капище сходила, умолила Богов избавить тебя от кошмаров ночных. А то ведь и сама не спишь, и мне не даешь, – Сучок зевнул во весь рот и, повернувшись носом к стенке, захрапел, что было мочи.

А бабка Поветиха, вдруг вспомнив, что она знахарка, поднялась с лавки. Стараясь не скрипеть половицами, она зажгла свечу и, бормоча молитвы вперемежку с заговорами, стала обходить избу вдоль стен. Как только свеча начинала трещать и коптить, Поветиха останавливалась, дожидаясь, когда пламя снова станет светлым, а потом возобновляла движение. Так она обошла всю избу кругом, начав и закончив свой обход у дверей. После этого знахарка выбрала из висящих под потолком засушенных растений пучок чертополоха – и засунула его за косяк входной двери. Но и на этом ее манипуляции не закончились. Взяв со стола солонку, нашептав над ней очередной заговор, Поветиха бросила по щепотке соли в каждый угол. И только после этого, облегченно вздохнув, она снова прилегла на лавку.

Не зря бабку почитали в деревне как потомственную знахарку! Неизъяснимая легкость и умиротворение охватили вдруг уставшую женщину. Голова сама склонилась к подушке, грудь задышала легко и свободно. И вот уже животворящий сон смежил ей веки.

Этой ночью в деревне спали все. Разные сны витали в избах, но ни один из них не был так страшен, как ожидавшая селян действительность.

Новая беда вползла в деревню неслышно и незаметно. Мужики, один за другим, вдруг повадились ходить в гости к пришлому. Не могли удержать их дома ни распутица, ни ворчание и даже откровенная ругань жен.

– И чего это они взялись ходить к Чужаку, чем он их так завлекает? – недоумевали женщины. – Одно хорошо, хоть в кабак теперь не ходят.

– В кабак не ходят, а домой возвращаются сами не в себе.

– Чем это вы там, у пришлого, занимаетесь? – одолевали вопросами своих мужей жены. На что получали неизменный ответ:

– Так, разговариваем.

– О чем же? О бабах, небось?

– Да нет, о жизни...

Больше выпытать не удалось ни одной женщине.

Тем временем пришла весна. По ночам морозец еще сковывал ручейки хрустящим ажурным ледком, но стоило выглянуть солнышку – и звон бегущей воды наполнял улицы.

Ребятня, которой за долгую зиму опостылело сидение в избах, высыпала на свежий воздух. Хотя матери ругали своих чад за мокрую обувь и одежду, они упорно лезли в лужи, измеряя их глубину. Забредет такой сопливый малый в бескрайнее весеннее половодье – и чув-

ствует себя первооткрывателем в необъятных просторах! А другой топает против течения в бурном потоке, несущемся вдоль улицы, – и повизгивает от захватывающего дух чувства неизвестности и опасности, подстерегающей его в этом пути. Вот нога ухнула в яму, скрытую в мутном ручье, – сапог смачно чавкнул зачерпнутой водой, запудовел, с места не сдвинешь. А малыш хохочет, как сумасшедший, и блики от бегущей воды солнечными зайчиками скачут по его довольной мордашке.

Солнышко, осаживая сугробы, извлекает на свет то потерянное по дороге в избу полено, то горшок, который хозяйка тщетно искала всю зиму. Кучи навоза у хлева исходят паром, и этот острый запах будоражит только что вернувшихся с юга грачей. Птичьи крики, собачий лай, ребячий визг – проснулась деревня!

И небо над ней такое синее, с первыми кучевыми облаками! И воздух такой неуловимо легкий, свежий, бодрящий! Весна!!!

Глава 6

Не успела Поляна оглянуться, как пришел Весень – самый веселый, озорной, долгожданный праздник на селе. Готовились к нему всегда загодя. Еще сугробы грязными поросятами подставляли бока солнышку, а девушки уже собирались в щебечущие стайки, шушукались втайне от парней, время от времени взрываясь хохотом. Что замышляли проказницы? Этого никто не мог знать до заветного дня, это хранилось в глубочайшей тайне.

Парни тоже собирались кучками, но эти таились не только от девчат, но и от своих сверстников с другой улицы. И только взрослые, не таясь, готовились к празднику. Женщины убирались в избах, начищая до блеска каждую миску, выметая скопившийся за зиму в темных углах мусор. Мужчины поправляли поломанные изгороди, чистили хлев, готовили телеги.

А ребятня ничего не делала. Она просто путалась под ногами взрослых, пытаясь помочь то тем, то другим, и просто ждала...

И вот, наконец, снег растаял. У изб, на солнечном припеке, из земли остро и напористо полезла щетина молодой травки. Эти крошечные зеленые иголочки и были сигналом: пришел Весень!

Вот тут настала очередь деревенских мальчишек. Не зря они караулили деда Калина, самого старого и почитаемого жителя села. Вышел дед на крыльцо, раскинул по груди седую бороду, поглядел вприщурку на солнышко, потянул шумно носом пряный весенний воздух. И, хотя давно уже был туг на уши, услышал-таки старый трепетную песню скворца на верхушке яблони. Повернулся, не спеша, взглянул на пробивающуюся у завалинки траву и изрек:

– Завтра – Весень!

Мальчишки только этого и ждали. Горохом раскатились по улицам, забегая в каждую избу, неся радостную весть:

– Завтра – Весень!

– Завтра – Весень! Дед Калина объявил: завтра – Весень!

И пошла гулять по деревне предпраздничная суматоха! Запахло свежее испеченными пирогами, улеглись на столы бережно хранимые для такого случая вышитые скатерти, выбрались из сундуков на свет наряды и украшения.

Яся без устали примеряла на себя все подряд.

– Мам, погляди, вот эта рубаша лучше, или та, с васильками? А волосы как лучше убрать? Смотри-ка, а мне твои бусы как идут, дашь поносить?

– Да погоди ты, вертушка, – смеясь, отмахивалась от дочери Поляна. – Что ты, как пугало огородное, все готова на себя напялить! Не забывай, тебе пятнадцать исполнилось. В этом году первый раз с девушками Весень встречать будешь. Вы как уговаривались, кем тебя назначили?

– Ой, я и забыла, мамочка! Ну конечно, мне нужен синий сарафан, я ведь буду Небушком! Только ты – молчок, это тайна!

– Конечно, конечно, стрекоза! Вот эта шаль тебе подойдет: белая, ажурная, из козьего пуха. Словно облако на плечах! А волосы заплетем голубой лентой и уложим на голове короной.

– Мамулечка, я тебя люблю! – Яся схватила мать за руки и закружилась по комнате. – Ты у меня – самая лучшая!

– Тише, тише, егоза, уронишь мамулечку свою ненаглядную!

Поляна хохотала от души, веселясь не меньше дочери. Сегодня на душе у нее было легко и празднично.

– Мам, а ты, когда тебе пятнадцать было, кем наряжалась?

– Ты не поверишь – тоже Небушком! У меня даже сарафан голубой сохранился с той весны. Берегу его, как память: в нем я с твоим отцом обручилась.

– Ой, Расскажи, Расскажи! Ты мне никогда не рассказывала.

– Мала была, вот и не рассказывала. А теперь Расскажу.

Поляна задумчиво теребила край передника, как бы всматриваясь в прошлое сквозь пелену прошедших лет.

– Той весной мне пятнадцать исполнилось, как и тебе. Это значит, что Весень я должна была впервые встречать не с ребятней, а с девушками. Ты же знаешь, что Весень – главный девичий праздник, когда парни себе невест выбирают.

– Но ты уже была знакома с папой, правда? – встряла Яся, заглядывая в затуманившиеся глаза матери.

– Знакома-то была, даже очень хорошо. Он ведь отцу моему, твоему деду, в кузнице помогал. Мы друг другу сразу понравились, но ведь до пятнадцати лет о замужестве и речи быть не могло. А обручиться мы могли только на празднике весны.

Вечером, когда соберутся девушки в хоровод на Веселой горке, парни невесту себе и выглядывают. Конечно, они и раньше примечают: какая – ладная да работающая, а какая – ленивая да сварливая. Недаром поговорка сложена: «Ищи жену в огороде, а не в хороводе». А уж на празднике каждый норовит свою зазнобу вербочкой пометить. Бывает ведь, что в одну девку сразу несколько парней влюбляются, вот тут и решается, которому повезет.

– Как это, мама, вербочкой пометить?

– Да неужто тебе подружки этого не рассказали? Вот незадача! – Поляна даже руками всплеснула. – Это же самое главное в девичьем празднике. Ну, слушай, да запоминай.

Сегодня вечером вы с девушками к реке пойдете, красу умыть. Вот тогда каждая себе по веточке вербы и сломает. Потаясь, принесет веточку домой, уберет ее лентами, и весь следующий день из рук выпускать не будет. А вечером, когда последнюю хороводную песню допоеете, завила шелкнет по земле кнутом – вот тогда каждая девушка бежать должна.

– Куда, куда бежать, мама?

– А куда хочешь, только побыстрее. А парень, которому ты приглянулась, за тобой побегит. Догонит, веточку отберет и ею тебя по попке хлопнет – вот и пометил он тебя, значит. С этого момента ты уже будешь его невестой.

– Значит, папа тебя веточкой хлестнул?

– Хлестнул, хлестнул, я-то не шибко и убегала: люб он мне был.

– А если за мной не тот погонится, кто мне нравится, что тогда?

– Тогда беги, что есть силы, прячься в погреб. Да смотри, веточку свою не оброни, не то всю жизнь свою в погребе от нелюбого прятаться будешь, или замуж за него придется идти.

– А если сразу несколько парней побегит, что тогда?

– А за мной тоже несколько бегали. Только мы со Славенем схитрили: договорились заранее, что я к речке побегу. Он меня там и поджидал. А бегала я быстро, трое за мной гнались – не могли угнаться. Папа же твой из-за кусточка выбежал мне навстречу, веточку у меня выхватил, ну и...

– Ну и хитрецы вы, мамуля!

– Постой-ка, – Поляна внимательно посмотрела на дочь. – А тебе уже приглянулся кто-нибудь?

– Нет пока, – Яся беспечно и открыто встретила материнский взгляд, не смутилась, не отвела глаза.

– Ну, тогда отвори погреб заранее, да беги домой, что есть духу, а не то быть тебе замужем за постылым. На другой год выберешь себе жениха, когда сердечко твое заговорит.

Поляна ласково потрепала Ясю по щеке.

– И то верно, рано мне еще замуж, я в куклы еще не наигралась! – девочка хитро подмигнула матери.

– Ну, коли так, помоги мне пироги на столе расставить, да собирайся – скоро подружки за тобой зайдут.

Из заветного сундука достали скатерть, всю расшитую чудесными цветами и травами. Лет этой скатерти было немало, ох, немало! Из белой она превратилась в желтоватую, ткань была уже не такой плотной и прочной, как встарь. Но вышивка, яркая и причудливая, по-прежнему радовала глаз. Эту скатерть из поколения в поколение вышивали женщины рода. Каждая старалась добавить в орнамент что-то свое, пусть всего один-два цветочка или листка. И год от года скатерть хорошела все больше. Извлекали ее на свет только один раз в год, накануне весеннего праздника, да еще один раз в жизни каждой женщины, после свадьбы, когда молодая жена брала в руки иголку и добавляла к вышивке свои стежки.

Вот такая скатерть была расстелена Поляной на чисто вымытом столе, и Яся уже спешила расставить на ней миски с угощением, блюда с пирогами, корзинки со сладостями. Всего было вдоволь, ведь, как встретишь Весень, так и весь год жить будешь!

Но вот стол накрыт, мать и дочь сидят рядом на лавке, любуются им. А за окошком уже слышится смех, звонкие девичьи голоса перекликаются все ближе и ближе.

– Ну, доченька, пора, – Поляна протянула Ясе длинную холщевую рубаху, цветастую шаль и гребень. – Одевайся скорее, слышишь, девчата уже у соседней избы.

Девушка быстренько накинула на голое тело рубаху, распустила волосы и закуталась в огромную шаль.

– Я готова!

Под окошком уже гомонили подружки. Мгновение – и дверь захлопнулась за спиной дочки. Поляна только вздохнула ей вслед: вот и выросла девочка!

Теперь настало время и ей совершать тайные обряды, охраняющие дом и двор от всякой нечисти. Прежде всего, надо было раздеться. Поляна сбросила летник, оставшись в одной рубахе, неторопливо качнула головой, стряхивая на плечи уложенные короной косы, склонилась к бадейке с водой. В мерцающем свете свечи из темной глубины на нее взглянуло совсем еще молодое лицо. Чуть наметившиеся морщинки сгладились отражением. Отблески пламени плясали в глазах. Губы, теплые и влажные, жаждали поцелуя.

– Ах, Славень, Славень, где ты, любимый? Отцветает краса жены твоей. Вернись, приголубь!

Набухли весенними почками соски, сладкая истома поднялась от лона к животу, груди. Вот уже упала на пол сорочка, расплетенные волосы рассыпались по спине. Поляна запрокинула голову назад и закрыла глаза. Ей чудилось, что вот ступеньки закрипели под тяжелыми мужскими ногами, вот уличный холодок вполз в отворенную дверь, вот руки, большие, любимые руки мужа накрыли ее груди и скользнули по животу вниз, вот губы коснулись ее выгнутой в истоме шеи...

– Славень, люби меня, люби жарче, люби хоть так, в мечтах!

Ласкающие женщину руки стали настойчивее и грубее. Поляна открыла глаза – и в ужасе рванулась из объятий Чужака. А он, ухмыляясь, сжимал руки все сильнее, не отпуская, впинаясь пальцами в извивающуюся, испуганную плоть.

– Ну что, Поляна, вот я и пришел свататься. Огород скоро сажать: жена мне нужна, не забыла?

– Отпусти, окаянный! – Поляна, очнувшись от грез, яростно махала кулаками, стараясь достать ими насильника.

А тот только смеялся и прижимал женщину все сильнее.

– Норовистая лошадка, тпру, не брыкайся! Вот у нас сейчас брачная ночь и состоится, прямо здесь, на лавке. И даже подол задрать не придется – ха-ха!

Чужак грубо толкнул Поляну к лавке, одной рукой прижал к доскам уже слабеющее в сопротивлении тело, а другой потянулся к опояске...

Тут дверь распахнулась, и на пороге возникла Поветиха с глиняным горшком в руках. Горшок был большой и тяжелый, держала его старуха двумя руками, а потому дверь ей пришлось открывать, толкая ее задом.

– Поляна, душа моя, вот я тебе талой водицы с солью принесла. Самой-то тебе, поди, некогда было по оврагам сугробы искать, – говорила бабка, поворачиваясь лицом к хозяйке.

Картина, которая открылась глазам знахарки, заставила ее проглотить конец слова и разжать руки. Горшок грохнулся об пол, разлетаясь по углам осколками и соленой водой.

Чужак отпустил Поляну и метнулся к двери, избегая наступать в разлившуюся по полу воду. В мгновение ока он отшвырнул со своего пути перепуганную Поветиху – и был таков.

Бабка медленно оседала на пол, а из-под подола ее вытекала соленая жидкость другого рода, смешиваясь с разлитым по полу обрядовым рассолом.

Поляна, сгорая от стыда, подхватила с пола сорочку, напялила на себя, не замечая, что та вывернута наизнанку, забила на лавке в угол, закрыла лицо ладонями.

Тут и Поветиха опомнилась, заковыляла к Поляне, суетясь и причитая.

– Да что же это творится такое, люди добрые! Что же это тут случилось, Поляна, голу-бушка ты моя? Ну, не молчи, скажи хоть словечко!

– Ты же, бабушка, сама все видела, что ж тут говорить, – Поляна обреченно опустила голову, ожидая заслуженного осуждения.

– Неужто сама того хотела?

– Да ты что, бабушка! – женщина гневно вскинула голову. – Не знаешь разве, что я всю жизнь мужу верная. Вот, гляди, – она протянула к старухе руки с проступающими на коже синяками от крепких пальцев Чужака.

– Ахти, милая, как он тебя облапил, – сочувственно закачала бабка головой.

– Я для обряда разделась, бабушка, – сдерживая слезы, пояснила Поляна. – Замешкалась, Славеня вспомнила. Не заметила, как Чужак вошел. Очнулась, когда он меня уже схватил. Чтоже будет-то теперь, а?

– Что будет, что будет. А ничего не будет, – проворчала уже пришедшая в себя знахарка. – Вот мы ему сейчас отворот сделаем, он от тебя и отстанет. И нечего дрожать, как осиновый лист, не девка красная, чай!

Поветиха засуетилась, почувствовав себя в родной стихии, засновала по избе, выдавая Поляне распоряжения:

– Вот что, Поляна, достань-ка новую свечу, миску с водой поставь около, чтобы огонь в воде отражался. Так, хорошо. Теперь возьмем веник, да сметем пыль с порога. Знаю, знаю, что пол у тебя чистый, но ты все же собери хоть несколько пылинок. Чужак ведь последним через порог переступал? Вот и ладненько. Теперь возьми щепотку пыли в правую руку, сядь перед миской, а я свечу зажгу. Смотри теперь в воду на пламя свечи, сыпь потихоньку пыль в огонь, чтоб она сгорела, и за мной повторяй:

«Как огонь свечи разгорается,

Так краса моя распускается.

Пусть любовь его под воду уйдет,

А меж нами пусть будет снег, да лед.

Пусть горит в огне с ног постылых пыль,

Чтобы путь ко мне навсегда забыл».

Теперь плюнь три раза через левое плечо и свечу задуй. Вот и умница. Теперь ничего не бойся, Чужак о тебе и думать уже забыл. А вот тебе подумать нужно, где воды талой взять, чтоб от нечисти дом и двор защитить.

– А тут и думать нечего, бабушка, – засмеялась уже оправившаяся от потрясения Поляна. – Она у меня в печке в чугушке стоит, уже соленая: Яся с подружками поутру в дальний овраг за снегом бегала.

– Вот и хорошо, вот и ладно, – закивала Поветиха. – Раздевайся, а я за калитку пойду, покараулю, чтоб еще кто-нибудь тебя ненароком не напугал.

– Что бы я без тебя делала, бабушка? – Поляна чмокнула старуху в сморщенную щеку.

Обряд очищения жилища от темных сил перед весенним праздником неукоснительно соблюдался всеми женщинами в селе.

Сначала нужно было принести снега, а найти его в эти теплые весенние дни было довольно сложно. Только на дне глубоких оврагов, да в лесной чаще можно было увидеть еще не успевшие растаять, черные и ноздреватые, оплывшие по краям сугробы. Вот этот снег и нужно было растопить, потом добавить в талую воду соли.

Ближе к полуночи женщины-хозяйки раздевались догола, распускали по плечам волосы, брали в руки горшок с обрядовым рассолом и обходили сначала избу, а потом двор и хлев, опрыскивая все кругом соленой водой. Считалось, что нечисть, если она сумела обосноваться на подворье, тут же его покинет, не выдержав соленой купели. В заключение обряда остатки рассола выливались на скотину, а горшок оставляли в огороде, чтоб домашняя живность плодилась и размножалась.

После всего женщина поджигала заранее собранную во время уборки кучу мусора, тем самым давая понять темным силам, что сюда им вход заказан.

Поветиха терпеливо стояла у калитки, наблюдая, как то там, то сям во дворах сельчан вспыхивали костры. Вот, наконец, и во дворе Поляны запылало веселое пламя. Через несколько минут уже одетая женщина присоединилась к старухе.

– Спасибо тебе, бабушка, что покараулила. А то не знаю просто, как бы я после всего решилась голая по огороду бегать!

– А, ерунда! Стояла вот я у калитки и молодость свою вспоминала. Теперь молодежь не так веселится, или это мне просто кажется?

– Кажется, бабуленька, кажется! Слышишь, вот парни лошадь Водяному ведут, бубенчики звенят? А хохота – на всю деревню!

Из переулка вывернулась толпа парней, хохочущих и возбужденно переговаривающихся. В руках у одних были фонари, другие несли весла, сети и прочие рыбацкие принадлежности. Не сразу женщины разглядели среди ребят лошадь – старую клячу, однако, вычищенную, с вплетенными в гриву ленточками и бубенчиками.

– Эй, Сил, – подтрунивали парни над добродушным толстяком лет семнадцати. – Ты, должно быть, половину меда, которым надо было голову кляче мазать, сам съел? Вот не понравится Водяному угощение – придется тебя вместо лошади ему предложить.

– Не-а, – добродушно ухмылялся толстяк. – Я того меда не ел, его ж с солью смешали, мне – невкусно. А вот ты, Жад, наверное, полдня торговался, когда клячу покупал, все лишний грош выгадывал. Уж это точно Водяному не понравится, подумает, что мы для него угощения пожалели!

– Ты что, белены объелся? Кто же торгуется, когда лошадь на угощение Водяному покупает? Я хоть и Жад, а не жадный. Кто целых три дня кобылу откармливал – ты, что ли?

– А я – жернов к омуту притащил!

– А я – путы сплел!

– А я...

– А я...

Каждый норовил напомнить о своем участии в подготовке обряда: пусть Водяной знает, что все готовили подарок. Ведь даже сопливному ребятенку, когда-либо удившему рыбу, известно, что если накануне весеннего праздника не ублажить Водяного, – тогда берегись,

рыбак! Голодный после зимней спячки, хозяин реки три дня ждет угощения, и если его не будет, или не понравится оно, тогда жди беды. Обозленный Водяной передушит всю рыбу в реке, запутает все сети, перевернет все лодки, а может и утопить рыбака ни за что, ни про что.

Вот и ведут ему парни лошадь в подарок, спутывают ей у омута ноги, надевают жернов на шею – и бросают в воду. Утонет лошадь – хорошо, значит, подарок принят. Подобрееет Водяной, будет рыбакам помогать, в сети рыбу загонять, волны умирять, а тонуть станут – спасет.

– Эх, соколики, – глядя вслед парням, вздохнула Поветиха. – Вот тот толстый, Сил, – вылитый мой дед Сучок в молодости. А сейчас – высох, как щепка, глянуть не на что. А где же Яся твоя, что-то ее не видно?

– Она с девушками красу умыть пошла, бабушка: нынче ей пятнадцать.

На излучине реки, подальше от любопытных глаз собрались все девушки села старше пятнадцати лет. Вода, не так давно освободившаяся ото льда, выплеснулась на противоположный низкий берег, затопив прибрежные кусты и деревья. Здесь же, у высокого берега, она поднялась почти вровень с обрывом, на котором, свесив ноги вниз, сидели девушки. Каждая держала в руках костяной гребень и медленными, плавными движениями, в такт напеваемой вполголоса песне, расчесывала волосы. Но вот луна поднялась над деревьями, пролив свой молочный свет на белые девичьи рубашки.

– Полночь! Пора, девушки.

Каждая, расстелив на земле шаль, легла на нее, свесившись с обрыва, и, зачерпнув в ладошки воды, плеснула себе в лицо. Слова заговора знала каждая девушка назубок: кому же не хочется стать самой красивой?

«Водичка, водичка,
Умой мое личико,
Чтоб, как в травах роса,
Засияла краса,
Чтобы щечки алели,
Чтобы глазки блестели,
Чтоб смеялся роток,
Чтоб влюбился милоч!»

Теперь нужно было лечь навзничь и, подставив лицо лунному свету, высушить его на весеннем ветерке.

Яся смотрела на луну и думала, что вот теперь она – взрослая девушка. Завтра, нет – уже сегодня, она впервые пройдет в хороводе. Интересно, кто из парней обратит на нее внимание?

– Яся, вставай, заснула ты, что ли? – Беяна тормошила замечтавшуюся подругу. – Все уже за вербочками пошли, айда догонять!

Девушки, взявшись за руки и подхватив шали с земли, кинулись вслед за удаляющимися подругами.

Здесь же, на излучине, росла старая верба. Ветви ее полоскались в струях реки, корни выпирали из подмытого водой крутого берега. Не одно поколение девушек ломало ветви дерева, но верба не обижалась: год от года она становилась пышнее и красивее. Вот и сегодня речная красавица ждала девушек, чтобы одарить их своими пушистыми веточками. Как же без них найдут они своих суженых? Пусть ломают!

Поляне не спалось. Лежала она с закрытыми глазами на лавке, а уши чутко ловили каждый звук за стенами избы. Сначала чудились ей осторожные шаги под окном – сердце в испуге замирало: вдруг опять Чужак придет! Потом мысли перекинулись к дочери – где она теперь, пора бы уже и вернуться. Луна глядела в избу поверх расшитых занавесок, и от этого станови-

лось еще тревожнее на душе. Даже сквозь прикрытые веки мертвенно-серебристый свет проникал в глаза и дальше – разливался по всему телу, щекоча и парализуя.

Непонятный холодок пробежал мурашками по коже...

И вдруг – совсем рядом послышались легкие шаги. Поляна, опасаясь показать, что не спит, чуть-чуть приподняла ресницы, скосила глаза посмотреть.

Посреди избы прямо на лунной дорожке стоял невысокий старичок. Волосы его, довольно длинные, торчали в разные стороны, безбородое лицо ухмылялось однозубым ртом, а из-под кустистых бровей сияли глаза необыкновенной синевы.

«О, Боги, домовой!» – пронеслось в голове Поляны.

Глаз она не открыла, встать не смогла. Ее будто парализовал страх. Однако, помня, что в таких случаях полагается делать, Поляна мысленно спросила:

– Домовой-батюшка, к худу пришел, или к добру?

И тут же в голове ее мысленно был дан ответ:

– К худу, к худу...

Напряженное тело женщины обмякло, глаза раскрылись – но никто уже не стоял на лунной дорожке.

Скрипнула дверь – в избу мышкой проскользнула Яся. На цыпочках, боясь разбудить мать, девушка скользнула к лавке, сбросила с плеч шаль и осторожно забралась под одеяло.

Поляна обняла дочь, согревая ее своим телом, молча, уткнулась в пахнущие свежестью волосы Яси – и ничего не сказала: зачем тревожить понапрасну? А Яся, полная незабываемых впечатлений первой девичьей ночи, была благодарна матери за то, что не расспрашивает, не нарушает хрупкого очарования ее девичьих грез.

Так они и лежали еще долго – рядом, но далеко друг от друга. И только петухи, привычно орущие в предрассветной мгле, успокоили их и смежили сном веки.

Глава 7

Яся проснулась до восхода солнца, когда дневной свет только-только начал разбавлять ночные чернила. Потянувшись, понежившись под теплым одеялом, вскочила с лавки и первым делом пошарила рукой на подоконнике: здесь ли ветка вербы? Поляна громыхнула в сенях подойником, видно, только что встала и собиралась доить корову.

Яся босиком подбежала к двери, окликнула мать:

– Мамулечка, с праздником тебя!

– И тебя, милая, – Поляна постаралась согнать со лба морщинки. – погоди, не убегай, пока Зорьку подою – молочка парного попьешь.

– Да я не тороплюсь, мама. За мной Беяна зайти должна.

– Вот и хорошо!

Поляна ушла в хлев, а Яся, плеснув в лицо воды из ковшика и утершись расшитым полотенцем, неторопливо оделась и принялась причесываться. Отблески свечи играли в ее светлых волосах, волнами растекаясь за гребнем. Но вот девушка взяла ножницы и отхватила ими кончик локона, за ним – второй, третий. Это бабка Поветиха ее научила: если до восхода солнца в день весеннего праздника обрезать кончики волос, то будут они расти длинные да пышные.

В дверь неслышно скользнула Беяна. Остановилась, любуясь подружкой.

– Ты что же это еще не одета, Яся? Так и солнышко без нас встретят!

– Ой, и правда, светает-то как быстро. Я сейчас, Беяночка, один момент!

Яся вихрем метнулась к лавке, где еще с вечера были разложены ее наряды. Не прошло и минуты, как она уже была готова. Только волосы еще рассыпаны по плечам.

– Эх, когда же мама придет? Она обещала мне косы на голове венком уложить!

– Здесь я, здесь, красавица моя, – Поляна уже входила в избу с подойником в руках. – Сейчас уложу твою косу, вот только молоко процежу.

– Ой, что ты, тетушка Поляна! – испуганно замахала руками Беяна. – Так мы точно опоздаем. Дай-ка я молоко процежу, а ты Ясе косу укладывай.

– Ну что ж, помоги, если хочешь.

Вскоре волосы были уложены, парное молоко выпито, и девушки выпорхнули из избы, как две ласточки-щебетуны.

Между тем становилось все светлее. Подружки, боясь опоздать, бегом понеслись за околицу села, к Веселой горке. На крышах изб, цепляясь за коньки, уже сидели неугомонные мальчишки и девчонки, которые побойчее. У каждого в руках – испеченная из теста птица, мордашки всех повернуты к востоку: боятся пропустить первые солнечные лучи.

– Помнишь, Беяна, в прошлом году мы тоже на крыше сидели, весну кликали?

– Ох, и замерзла я тогда! Ветер такой студеный был, не то, что сегодня.

– А жаль, что веснянок больше не споем – выросли.

– Зато другие песни будем петь, девичьи!

Вот и Веселая горка. Здесь уже собрались почти все девушки села. У подножия холма сложены кучи хвороста: их парни приготовили загодя, чтоб костры жечь. Сами они сейчас на противоположной околице, тоже ждут восхода солнца. Как только покажется светило из-за горизонта, впрягутся парни в два плуга и начнут опаживать деревню кругом, ограждая ее от нечистой силы. Тут важно как можно быстрее добраться до подножия Веселой горки и запалить свой костер: та улица, парни которой окажутся сноровистее, весь год будет считаться главной! Значит, посиделки и молодежные игрища будут проходить именно на ней.

– Ой, девчата, что же мы медлим: солнце вот-вот взойдет! Давайте хороводницу выбирать.

– Давайте, давайте, если кто опоздал, пусть на себя и пеняет.

Девушки нырнули в построенный тут же, на вершине холма, огромный шалаш, крытый соломой, и вынесли из него посох с привязанными к нему по числу девушек разноцветными лентами. Посох водрузили рядом с шалашом, и каждая девушка взяла ленту за кончик.

– Лента-ленточка моя,
Как на праздник водится,
Ты из девушек меня
Сделай хороводницей.
Лента-лента синяя —
Выбери красивую.
Ленточка шелковая,
Выбери толковую.
Лента-ленточка-змея,
Хороводом правлю я!

С последними словами запевки девушки подбросили концы своих лент вверх. Весенний ветерок подхватил их разноцветную стайку, заполоскал. Но вот, одна за другой, ленточки стали опускаться. Последней упала белая лента.

– Беяна, Беяна – хороводница!

Счастливая девушка, впервые на Веселой горке и уже хороводница, Беяна стала в центре круга с посохом в руках.

Несколько минут девушки стояли молча. И вот из-за принакрывших дальнюю рощу облаков показался край солнышка. Девушки подняли руки вверх, а хороводница начала произносить старинное заклинание:

– Здравствуй, красное солнышко!
Празднуй, ясное ведрышко!
Я, девушка Беяна, путем-дорожкой шла,
Золотой ключ нашла.
Кого хочу – того люблю,
Кого сама зною – тому и душу замыкаю.
Замыкаю я тем золотым ключом
Доброго молодца Сила на многие годы,
На долгие весны, на веки вечные
Заклятьем тайным нерушимым!

Девушки повторили за Беяной заговор слово в слово, но каждая вставляла полюбившееся ей имя. Только Яся замешкалась: она не знала, чье имя ей назвать. Сердечко ее молчало пока, потому она вообще ничье имя не произнесла.

Солнышко улыбнулось девушкам, позолотило их головы, приласкало-приголубило. И, как солнышко кругом по небу ходит, так закружился и девичий хоровод, разнося по окрестностям голосистые припевы:

– Не шелковая травинка
Окол пеня вьется,
Красавица девушка
Дружка не дождется.
Встретила, заметила
Своего любимого:
«Ты пожалуй, молодец,

В нашу круговую,
Выбирай-ка, удалой,
Девуцу любую».

А из села навстречу неслись выводимые детскими голосами веснянки:

– Летел кулик
Из-за моря,
Принес кулик
Девять замков.
Кулик, кулик,
Замыкай зиму,
Замыкай зиму —
Отпирай весну,
Теплое лето!

Солнышко поднималось все выше и выше, выманивая на улицу все больше людей. Ни один человек в этот веселый день – Весень – не остался в избе. Пока девушки водили хороводы на Веселой горке, дети закликали весну, а парни опахивали село, нашлось дело и замужним женщинам, и мужчинам. Хозяйки, возглавляемые бабкой Поветихой, вооружившись метлами, сковородками и колотушками, бегали по селу, «выметая» отовсюду нечистую силу и пугая ее ударами колотушек о сковородки. Мужчины же ходили к домам молодоженов и «окликали» молодых, которые за пение выносили по яйцу и стопочке.

– Вьюница-молодица!
Выходи на крыльцо,
Выноси красное яйцо!
А не вынесешь яйцо,
Разломаем все крыльцо.

И только самые старые деды и бабки не принимали участия в общем веселье, но и они повылазили на завалинки и вертели по сторонам головами, ловя глуховатыми ушами обрывки песен.

К полудню все собрались у подножия Веселой горки.

– Смотрите, смотрите, – вопили вездесущие мальчишки, – сейчас парни с плугом покажутся!

– А спорим, наша улица в этом году будет главной?

– Да где вам, у нас Сил в плуге коренным идет, у него силища – о-го-го!

– Куда ему до Сила, Власу вашему!

И вот уже один постреленок насккивает на другого, хватая его за грудки, отстаивая честь своей улицы.

– Эй, пострелята, кончай драться! Вот я вам, ужо! – дядька Ивень в шутку замахивается на ребят хворостиной.

– Наши, наши показали с плугом! Я же говорил, что Влас против Сила – тьфу! Сил, Сил, поднажми!

– Влас, не робей, тяни веселей!

Как только показали парни с плугами, девушек словно ветром сдуло: спрятались в шалаше. Парни не должны были видеть, какие на них наряды, не должны были догадаться, какая роль в хороводе отведена каждой.

Пыхтя, надрываясь из последних сил, парни допахивали последние сажени. Команда Сила опережала соперников всего чуть-чуть. Вот они добрались до приготовленного хвороста, высыпали на землю принесенные с собой в горшке угли и, прикрыв их сухой соломой, принялись раздувать огонь. Язычки пламени, сначала слабые и неуверенные, окрепли, побежали по соломе – и вот уже хворост запылал.

– Ура, наша взяла!

– Молодец, Сил!

– Теперь наша улица – главная!

В знак победы кучу хвороста противников разорили и перебросили в костер победителей. Досадно было проиграть, но парни не особенно кручинились, ведь главным в празднике был не этот обряд, а вечерний хоровод, выбор невесты.

Оставив мальчишек заботиться о костре, парни поднялись на вершину Веселой горки, к шалашу с девушками. Односельчане потянулись следом, расположились полукругом. Предстоял выбор заводилы девичьего хоровода.

Руководить обрядом пригласили деда Калина. Как же иначе, ведь это он объявил Весень – ему и посох в руки! Для такого случая дед принарядился, расчесал бороду и сиял каждой морщинкой. Вот он встал, приосанясь, между шалашом и парнями:

– Ходит Солнышко по кругу,

Водит за руку подругу.

Кто у нас Солнышко?

– Любима!

– Яся!

– Заряна!

Парни выкрикивали имена девушек, пока каждый не высказал свое мнение.

– Выйди, Красно Солнышко! – дед стукнул посохом о землю.

Из шалаша, улыбаясь, вышла Заряна, наряженная в желтый сарафан, с желтой лентой в руке. С поклоном протянула она свою ленту деду Калину, а тот, запустив руку в необъятные портки, извлек оттуда ножницы.

– Солнышко угадали двое: Жад и Влас.

Дед разрезал ленту надвое и отдал половинки парням.

– Голубее васильков

Небо выше облаков.

Кто у нас Небушко?

И снова парни по очереди начали выкрикивать имена девушек. Ясю угадали трое, им и достались кусочки ее ленты.

Пришла пора и Облачка – Беляны, и Реченьки – Любимы, и Пашенки – Смоляны...

Каждой девушке нашли роль в хороводе. Но вот осталась последняя – Ночка Темная. Парни, пересчитав девушек, в недоумении переглядывались. Вроде бы все невесты уже вышли из шалаша, кто же будет Ночкой? Неужели они кого-то забыли?

А дед Калин уже выкрикивал:

– Ночка Темная придет,

Сны в корзинке принесет.

Кто у нас Ночка?

Парни, переминаясь, пожимали плечами. Не ответить было нельзя, а ответить – нечего! Наконец Влас решил:

– Забава! Ей сейчас четырнадцать, а может, уже и пятнадцать исполнилось?

– Милашка!

– Светла! – наперебой стали выкрикивать парни, вспоминая имена старших девочек.

Дед ухмылялся в усы, качая головой.

– Нет, никто не угадал. Ночка – она и есть Ночка!

И тут из шалаша важно выступила коза бабки Поветихи Ночка, неся на рогах черную ленточку. Веселая Горка вздрогнула от хохота собравшихся.

– Вот так невеста, ха-ха-ха! Жад, не ты ли ее присмотрел?

– Ох, помереть – не встать. Ай, да девчонки, чего удумали!

– Поветиха, а Поветиха, когда сватов принимать будешь?

Ночка, испугавшись шума, взбрыкнула задними ногами и понеслась прочь, к речке.

– Лови, лови невесту!

– Ой, боюсь, утонится с горя!

– Нет, она за вербочкой побежала!

– Держи!

– Лови!

– Догоняй!

Когда общее веселье немного улеглось, дед Калин трижды стукнул посохом и приказал:

– Ну-ка, парни, показывайте, кто сколько лент набрал!

Парни вытянули вперед руки с повешенными на них кусочками лент, а дед важно пошел мимо них, считая.

– У Сила – пять лент, у Власа – четыре, у Жада – восемь...

Заводилой хоровода должен был стать тот из парней, кто угадал больше других.

– У Жада ленточек больше всех.

Дед взял Жада за руку, вывел вперед, стукнул посохом и провозгласил:

– Заводила девичьего хоровода – Жад!

Весело пылает пламя костров, потрескивает, мечет вверх снопы искр. Это мужчины постарались: каждый разжег свой костер у подножия Веселой горки, и теперь целое ожерелье из огненных бус опоясывает ее.

У каждого костра собралась семья. Прямо на только что пробившейся травке расстелили скатерти, не те, заветные, а попроще. Из корзинок выбрались на свет пироги, да ватрушки, яйца-краснушки, сало да квас и прочие угощения.

У Поляны не было мужа, некому было запалить костер, но ни она, ни Яся не остались в одиночестве.

– Эй, Поляна, иди к нам трапезничать!

– Нет, к нам, к нам, у нас пирог вкусный!

– А у нас сало – во рту тает. Иди к нам!

Наперебой приглашали односельчане Поляну. Все любили ее, а после того, как вылечила зимой ребятишек, – тем более.

Не осталась без внимания и Яся. Подружки чуть не поссорились, перетягивая ее каждая к своему костру.

– Не обижайтесь, девчата, – отбивалась Яся. – Я с мамой пойду. Куда она – туда и я.

– И спорить тут нечего! – решительно прекратила препирательства Поветиха. – И ты, Яся, и ты, Поляна, садитесь к нашему костру – и точка!

Это было сказано так непререкаемо, что Поляна с Ясей тут же оказались у костра знахарки.

– Вот, бабушка, пирожки с маком, а вот – ватрушки, – Поляна доставала снедь из своей корзинки. – Яся, где же сырники в сметане, ты не забыла положить?

– Да нет же, мама, вот горшочек!

Пока трапезничали, Яся все поглядывала на свою веточку вербы, которую она воткнула в землю тут же, рядом с собой. Вот начнет солнышко клониться к западу, настанет время девичьего хоровода.

– Что, Яся, волнуешься? – Поветиха лукаво взглянула на девушку. – Уже, поди, сговори-лась с кем-то из ребят, в какую сторону побежишь?

– Да что ты, бабушка! – Яся залилась краской. – Ни с кем я не сговори-лась. И вообще замуж мне еще рано.

– А погреб открыла заранее, приготовила, куда бежать-то будешь, от женихов прятаться?

– Да брось ты, бабушка, смеяться! На меня никто и не позарится!

– Как не позариться на такую девку пригожую! Я примечала, как парни на тебя глядели, прямо как коты на сметану! Особенно Влас, он и сейчас, гляди-ка, всю шею вывернул, все на тебя оглядывается.

– Да ну вас! – Яся, вконец засмутившись, закрыла лицо ладошками.

– Поляна, а Поляна, – вступил в разговор и дед Сучок, муж Поветихи. – Ты Серка-то своего привязала, али как?

– Да почто же его привязывать, дедушка?

– Как почто? Он у тебя, поди, уже в погребке открытом сидит, угощается.

– А я об этом как-то и не подумала! – Поляна рассмеялась. – Ну да ладно, всего не съест, пусть и у него будет праздник!

– А вот он еще и гостей к себе позовет, – подхватила Поветиха. – Пропали твои запасы, Поляна!

За разговорами незаметно шло время. Вот уже и угощение для умерших родственников брошено в костер. Вот и солнышко начало скользить с небесной горки вниз, к вершинам далеких деревьев.

Жад, неведь когда успевший раздобыть длиннющий пастуший кнут, вышел на вершину Веселой горки, встал, приосанясь, трижды звонко щелкнул кнутом и прокричал, что есть мочи:

– Девичий хоровод!!!

Взметнулись разом цветные сарафаны: девушки, подхватив свои веточки вербы, кинулись вверх, к Жад. Чуть помедлив, еле сдерживаясь, чтобы не помчаться за ними вприпрыжку, поднялись к вершине холма и парни. Женщины спешно складывали в корзинки опустевшие скатерти и посуду, мужчины наказывали пострелятам-мальчишкам следить за кострами, чтоб не гасли. Вот уже все взрослое население деревни собралось у соломенного шалаша.

Девушки, взявшись за руки, образовали круг, в центре которого важно рассказывал Жад с кнутом в руке. Вот он потрянул кудрями и приказал:

– Собирайся, народ!

Зачинайся, хоровод!

Девушки, послушно повернувшись направо, коротенькими шагами плавно двинулись по кругу.

– Что же ты, душа-вербочка,

Не зеленая стоишь?

Люшеньки-люли,

Не зеленая стоишь?

Али тебя, вербочка,

Морозом побило?

Морозом побило,

Инеем прихватило?

«Нет, меня, вербочку,

Морозцем не било,

Морозцем не било,

Солнцем не сушило.

Красные девицы

Веточки ломали,

Веточки ломали,

Судьбу загадали.

Люшеньки-люли,

Судьбу загадали».

– Речка! – выкрикнул Жад.

Девушки разомкнули руки – и вот уже не круг, а цепочка, возглавляемая Реченькой – Любимой, движется мимо зрителей. Руки с веточками то поднимаются, то опускаются, изображая волны, а звонкие голоса выводят:

– Уж ты, моя реченька,

Чистая водица,

Скажи, когда, девице,

Быть мне молодежи?

Умой меня, реченька,

Одари красою,

Ой, люшеньки-люшеньки,

Длинною косою.

– Дороженька! – командует Жад.

Девушки разворачиваются в противоположную сторону и Вена, только что бывшая последней, ведет хоровод змейкой:

– Ты куда, дороженька,

Меня приведешь?

Беленькие ноженьки

Камушком собьешь?

Веди меня к милому,

Пусть меня полюбит,

Ой, люшеньки-люли,

Меня приголубит.

Вьется, завивается девичий хоровод, послушный воле заводилы-хороводника. А парни во все глаза глядят на девушек, выбирают, сравнивают. Матери их тоже не остались в стороне. Те не молчат, языки – что твое помело!

– Глянь-ка, глянь, как Беяна нарядилась, видно, все холсты извела на наряд.

– Да брось ты, соседка! Этот белый сарафан еще бабка ее нашивала. А вот то, что он, как новый, выглядит, – хорошо. Значит, девка стирать умеет, не ленится.

– А у Смоляны, гляди-ка, исподняя рубаха по краю грязная, вот неряха-то! Влас, сынок, смотри, за Смоляной не побеги: будешь век в грязных портах ходить с такой женой.

– Яся, Яся-то какая красавица стала! Вся в мать. Я бы от такой невестки не отказалась!

– С лица воду не пить! Ты гляди, какая она хозяйка будет.

– А что, они с Поляной без мужика вдвоем управляются – и ничего, не хуже других!

– Эх, вот выйдет Яся замуж, совсем одна Поляна останется: не вдова – и не мужняя жена. Жалко ее, молодая еще совсем.

– Да она на мужиков-то и не глядит, все Славеня своего ждет. А жив ли он, кто знает?

Солнышко между тем опускалось все ниже и ниже. Вот уже краешек его зацепился за верхушку дальней березы.

– Пора, пора! – не выдержав, подсказывает Жад дед Калина. – Закрывай хоровод!

И Жад, подняв кнут, кричит:
– Хоровод, хоровод, закрывайся,
По лугам, по полям разбегайся!

Хлесткий удар кнутом – и девушки кинулись в разные стороны.

Яся неслась, словно ветер. Одной рукой она подобрала сарафан – не хватало только запутаться в нем и растянуться у всех на виду, другой прижимала к груди заветную веточку вербы. Ей так хотелось посмотреть, кто же из парней побежал за ней вдогонку, кому она приглянулась! Но Яся боялась обернуться, чтобы не споткнуться, не замедлить бег.

«А вдруг за мной и не бежит никто вовсе? – мелькнуло в голове у девушки. – Вот сраму-то будет: несусь, сломя голову, неизвестно от кого!»

Тут Яся не утерпела и оглянулась на ходу. За ней мчались почти все парни села.

– О, Боги! Вдруг догонят! – Яся поднажала из последних сил.

И вдруг дорогу ей загородил кто-то. Яся подняла голову – ах! – Чужак! От неожиданности она выронила вербочку, хотела нагнуться, подобрать, но Чужак, ухмыляясь, опередил ее и уже замахнулся веткой, чтобы ударить ею девушку.

Яся, подхватив подол двумя руками, кинулась бежать к дому, что было сил. Скорей, скорей, в спасительный погреб!

Она не видел, как остановились гнавшиеся за ней парни, помешкали секунду и кинулись догонять других девушек: кому охота остаться без невесты? Чужак, не торопясь и все так же ухмыляясь, сунул ветку за пазуху и двинулся к Веселой горке. Остановившись у ее подножия, подальше от пылающих костров, он закричал:

– Эй, Поляна, готовься к свадьбе!

Поляна в ужасе схватила за руку бабуку Поветиху:

– Что же это, бабушка, а как же твой отворот?

– И откуда он, окаанный, вывернулся? Ведь весь день его видно не было. Неужели не помог отворот-то?

А Чужак тем временем вытащил из-за пазухи веточку вербы и помахал ею над головой.

– Беру дочь твою, Ясю, в жены. Я – вдовец, имею право.

– Ай, а ведь и вправду имеет, раз вербочку отобрал, – так и осела на землю Поветиха.

– Вот оно, худо, что домовый предсказал, – пронеслось в голове у Поляны – и она потеряла сознание.

Очнулась женщина уже дома, на лавке, куда принесли ее сердобольные соседи. В избе было темно, только окошко еще чуть серело. Напротив лавки, у стола, подперев щеку рукой, сидела Поветиха. Заметив, что Поляна пошевелилась, бабушка пересела к ней на лавку.

– Что ж ты огня не вздуешь, бабушка?

– Тише, Поляна, тише! Пусть этот не знает, что мы дома.

– А Яся где?

– Да где же ей быть – в погребе! Пока она оттуда не вышла – она еще девушка. А как выйдет – все, невестой будет.

– Да неужто ей придется за этого Чужака замуж идти?

– А куда денешься – придется! Вербочка-то у него. И как Ясю угораздило ветку выронить!

– Бабушка, а нельзя ему отворот сделать?

– Нет, тут уж отворот не поможет, раз обычай соблюден. А и замуж за вдовца Ясе никак нельзя идти: недобрый он какой-то, темный.

– Что ж делать-то? Научи, бабушка.

– Бежать вам надо, пока не рассвело. Как только солнышко взойдет, у Чужака на Ясю уже все права будут.

– Куда же бежать, бабушка?

– Куда глаза глядят!

– Да неужто так всю жизнь и придется в бегах быть?

– Ты вот что, Поляна, послушай меня, старую. Помнишь, гадали мы на Славеня твоего – жив он! Вот и идите с Ясей его искать. А найдете – он с Чужаком разберется, как отец. Один он может оспорить результаты обряда, в мужском поединке, на мечях. А больше за вас заступиться некому.

Помолчали.

– Хорошо, бабушка, я сейчас соберусь в дорогу, а ты Ясю предупреди. Серка мы с собой возьмем, а Зорьку и курочек ты к себе заberi. Да пусть дед Сучок окна и двери избы нашей заколотит завтра.

Глава 8

Рассвет застал беглянок уже далеко от околицы села. Шли быстро, не оглядываясь, торопясь уйти как можно дальше. Пока не взошло солнышко, погони не боялись: не придет же Чужак за невестой ночью! Но как только первые солнечные лучи запустили пальцы в шевелюры деревьев, Поляна забеспокоилась:

– Ой, доченька, вот придет Чужак к нашей избе, увидит, что опустела она – кинется в погоню. Пешком-то он нас вряд ли догонит, а вот если на лошади...

– Да нет у него лошади, мама, – попыталась успокоить ее Яся.

– У него нет, так у дружков его найдется. Он такой, что и без спроса возьмет – не засмущается.

– Он же не знает, в какую сторону мы пошли. Авось, не догадается.

– На авось, да небось не надейся, доченька. Я так думаю – спрятаться нам нужно, переждать. И подумать, куда дальше идти, не мешало бы.

Поляна завертела по сторонам головой, выискивая подходящее укрытие.

– Вон там елка старая, возле дуба, – показала рукой Яся. – Ветки у нее до самой земли опустились, под ними мы как раз и уместимся. Вроде шалаш будет.

– Верно, доченька, верно. Зови Серка, будем прятаться.

Втроем под елкой было тесновато, но, прижавшись друг к другу, они все-таки кое-как уместились.

– Серка нужно привязать, чтоб не выскочил ненароком. Ты, Серок, смотри, не подведи нас, не залай, не заскули. А то быть беде!

Собака, словно понимая всю сложность создавшейся ситуации, послушно положила голову на лапы и прикрыла глаза. Уши ее, однако, настороженно ловили каждый шорох.

– Куда же мы с тобой пойдем, мамочка? – шепотом спросила Яся.

– Дорога у нас одна – к отцу твоему. Только он тебе поможет.

– Легко сказать – одна! А как мы ее узнаем, дорогу эту? Даже расспросить некого, ведь десять лет прошло с тех пор, как отец ушел. Коли кто и видел его, так давно уже о том забыл.

– Знаешь, Яся, мы с бабушкой Поветихой как-то гадали, жив ли твой отец. Так вот, я увидела его возле какого-то замка, а кругом были горы. Думаю, нам нужно к горам идти.

– А ты знаешь, в какой они стороне?

– Нет, доченька, не знаю. Придется спрашивать.

– У кого же мы спросим в лесу-то: у волка серого, или у белки? – усмехнулась Яся.

– Тут за лесом деревня есть, за ночь мы как раз до нее доберемся. Вот там и разузнаем все.

На том и порешили. А так как до ночи было еще далеко, мать и дочь, перекусив немного, улеглись спать.

– Смотри, Серок, не прозевай Чужака!

Поляне снился сон: в избе свекра за плотно закрытыми ставнями, чтобы не проникал ни один солнечный луч, собрались те, кого она видела в ночь убийства Синюшки. Во главе стола сидел Чужак.

– Ну что, братья, задачу свою я выполнил блестяще, не так ли? Где теперь Поляна с дочкой, а?

– Это верно, теперь они помешать нам не смогут. Пока. А если вернуться? Не проще ли было их убить?

– Это с какой стороны посмотреть. Думаешь, смерть Поляны оставила бы равнодушным село? Ее здесь любят и уважают. Уж лучше пусть бежит и скрывается, вернуться она все равно не сможет: за дочь боится.

– А все-таки ловко ты ее вынудил сбежать. Это еще придумать надо – свататься к дочке малолетней!

– Я бы с большим удовольствием к матери посватался, – Чужак похотливо ощерился. – Сиськи у нее – что надо! Да и остальное – тоже, ха-ха-ха!

– Цыть, размечтался! – свекор бесплотно пристукнул ладонью по столу. – Я Поляну знаю, она всю жизнь не будет по кустам прятаться. Вернее убить ее. А в деревне теперь не узнают, что стало с их любимой целительницей.

– Ну что ж, так и сделаем...

Яся, дрожа, вцепилась матери в руку:

– Мама, мамочка, проснись, мне страшно!

Поляна, вздрогнув, открыла глаза.

– Что, доченька? Чего ты испугалась?

– Мамочка, мне сон такой страшный приснился – про Чужака. Будто он убить нас хотел.

Поляна похолодела:

– И тебе. Значит, правда. Ну-ка, расскажи подробнее.

– Я видела Чужака и деда покойного. И еще с ними были двое. Сначала Чужак хвалился, как ловко он нас из села выставил, а потом они нас убить решили. Я боюсь, мамочка, вдруг сон – в руку!

– Уходить нам надо, доченька, да поскорей, – Поляна не стала пугать Ясю еще больше, рассказывая о своем сне. – Отвяжи-ка Серка.

Серок, во время разговора, молча, стрелявший глазами то на мать, то на дочь, вдруг насторожился. Он вскочил на ноги, прижал уши и, подняв шерсть на загривке, тихо зарычал.

– Тише, тише, Серок. Что ты разволновался?

Поляна осторожно выглянула из-за еловой ветки.

На краю поляны стоял волк. Глаза его пока ничего не видели, зато нос безошибочно подсказывал: кто-то прячется совсем близко. Запах не походил ни на один привычный лесной, это пугало и настораживало. Но то, что пахнет съедобной плотью, теплой, живой и такой желанной, отощавшему за зиму волку-одиночке было ясно. Давно уже он ушел из стаи, молодые самцы здорово посекали в поединках его шкуру клыками. Теперь, злой и вечно голодный, он рыскал по лесу и искал необременительной добычи.

Ветки на ели зашевелились, из-под них донеслись непонятные звуки, а потом – более привычное для волчьего уха рычание. Волк? Что ему делать под елкой? Может, лучше уйти?

Но тут из-под ели выскочил пес и с лаем ринулся на замешкавшегося хищника. Пес был молодым и сильным, как те самцы, что рвали волку шкуру. Надо уходить, бежать! Поздно. Собака налетела, вцепилась зубами в бок. От боли волк рассвирепел, рассудительность покинула его, и он, в свою очередь, тяпнул пса за ногу. Дальше уже трудно было разобрать, где собака, а где – волк. Серый лохматый клубок катался по поляне, устилая ее клочьями вырванной шерсти, орошая каплями крови. Но вот кому-то из дерущихся удалось дотянуться до горла противника. Одно движение челюстей – и из раны полилась уже струя крови. Из последних сил волк рванулся, оставляя в пасти противника вырванный из шеи клочок мяса, лягнул зубами, смыкая их на загривке пса, и под хруст ломаемых позвонков замертво свалился на землю. Бездыханный Серок упал рядом. Оба затихли.

– Ой, мамочка! – только и смогла прошептать перепуганная Яся.

Поляна осторожно выбралась из-под ели, почему-то на цыпочках подошла к месту побоища.

– Серок, Серок, – позвала она.

Опустившись на колени, погладила собаку, положила ладонь на ее бок.

– Нет, не дышит.

Подошла Яся. По щекам девочки слезы бежали ручьем.

– Серок, милый, как же мы теперь без тебя?

Поляна тоже не удержалась, расплакалась. Вспомнила, как принесла в переднике толстого лохматого щенка, какой он веселый был и озорной.

– Помнишь, мама, какой он маленький был? – Яся словно подслушала мысли Поляны. – А как он голову засунул в горшок со сметаной, и вытащить не мог, пришлось посудину разбить?

– Помню, конечно, помню. Жаль Серка, он же членом семьи нашей был.

– Он нас от волка спас, мама. Себя не пожалел.

– Да, доченька, спасибо ему.

Помолчали. Потом Поляна подняла собаку на руки и понесла к елке, под которой все они только что прятались.

– Вот тут пусть лежит, под елью. Похоронить мы его не можем, так пусть хоть не на глазах у всех валяется. Прощай, Серок!

– Прощай, песик, спасибо тебе!

– А теперь, Яся, пойдем, нужно торопиться. Те, кто открыл на нас охоту, пострашнее волка будут.

– Так это же сон, мамочка, – Яся уже почти забыла о своих страхах.

– Все равно, пойдем быстрее.

И они пошагали по еле заметной тропинке, которой так редко пользовались, что она почти заросла травой.

На рассвете беглянки уже подходили к деревне.

Утро в любой деревне наступает одинаково. Еще стелется по лугу за околицей туман, еще роса тяжелыми гроздьями капель клонит к земле травинки, а заполошнные петухи уже орут в каждом дворе, и каждый норовит перекричать остальных. В хлевах постукивают подошники, и коровы сытно и уютно вздыхают, млея от прикосновений хозяйкиных рук, которые освобождают от молока разбухшее за ночь вымя. Изредка залает собака – так, спросонья, не зло, а скорее для порядка.

У Поляны сердце сжалось от всех этих таких знакомых, но уже Бог весть, на какое время потерянных, деревенских звуков. Яся, переживая то же, сжала матери руку.

– Мама, а куда же мы дальше пойдем? У кого про горы спрашивать станем?

Поляна задумалась. Постучаться в крайнюю хату? Но кто знает, как встретят незнакомок, да и смогут ли помочь! Не каждый селянин интересуется дальними странами. Некоторые за всю жизнь дальше околицы своей деревни не побывали. А кто же может знать дорогу к горам? Только тот, кто общается со странниками, слушает их рассказы, да на ус мотает. Таким человеком в селе был только трактирщик. Вот куда нужно идти – в трактир! Там и они сами в глаза не бросятся, на случай, если Чужак искать их станет: мало ли народу по свету бродит! Верно, немало, только вот женщин среди них – единицы. А мать и дочь – и вовсе приметная парочка. Нет, так не годится. Нужно поостеречься.

– Слушай, Яся, я в деревню пойду одна. В трактир наведаюсь, постараюсь там все разузнать. А ты здесь, на опушке спрячься, и жди меня. И не возражай! – Поляна не дала дочери и рта раскрыть. – Я скоро.

Она подобрала повыше подол, чтоб не намочить в росе, и прямо через луг зашагала к деревне.

Деревенская улица уже ожила, очнулась от сна. То тут, то там отворяли ворота, чтобы выпустить скотину. Видимо, сегодня стадо собирали впервые после зимы. Застоявшиеся в хлевах буренки взбрыкивали и скакали, словно телята, разминая ноги, шалея от запахов теплой земли и пробивающейся из нее зелени. Конечно, по-хорошему, на лугу, кроме старника, поесть коровам было нечего, ведь молодая трава только-только начала пробиваться на свет. Но весен-

ний дурманыщий дух был лучшей приправой к зимовалой траве. Вот и радовались коровы, вот и улыбались хозяйки, провожая в стадо своих любимиц.

Поляна шла по улице и досадовала сама на себя: худшего времени, чтобы незамеченной появиться в деревне, придумать было нельзя. От каждой калитки ее провожала взглядом пара, а то и две, глаз. Кто она? Откуда появилась эта незнакомка? Деревенские кумушки уже вострились языки, чтоб посудачить об этом с соседками.

Но вот, наконец, и трактир. И, конечно же, двери его еще заперты. Поляна, не решаясь привлечь к себе внимание еще и стуком в дверь, присела на сложенные у плетня бревна. Придется подождать.

Вот пастуший рожок рассыпал свою мелодию в конце улицы. Вспомнив знакомые звуки, ему ответили коровы. Стадо прошествовало мимо странницы, обдавая ее терпкими запахами молока и навоза. Вот, наконец, загремел засов на двери трактира, и она распахнулась. Заспанный хозяин, позевывая и почесываясь, лениво ответил на приветствие Поляны и впустил ее в помещение.

В трактире было пусто, если не считать храпящего в углу на лавке мужчину.

– Чего изволите? – трактирщик уже повязал фартуком толстое брюхо.

– Мне бы, – и тут Поляна с ужасом вспомнила, что у нее нет денег.

Их у нее отродясь не бывало, как не бывало и надобности в монетах. Все, что необходимо было в немудреном деревенском быту, производилось в каждой семье. В крайнем случае, нужные вещи можно было выменять на продукты у заезжих коробейников.

– Я посижу тут у вас, можно? Мне нужно дождаться одного человека.

– Уж не того ли? – трактирщик мотнул головой в сторону лавки. – Он тут еще с вечера объявился, все выпрашивал, не появлялась ли в деревне дочка с матерью. А у нас пришлых женщин, почитай, с прошлой осени не видывали. Да, точно, осенью приходила одна странница. У меня останавливалась. Два дня прожила. Вся деревня приходила ее рассказы слушать. И селянам хорошо, и мне – барыш. А ты откуда идешь, издалече?

– Издалече, добрый человек, издалече, – у Поляны губы онемели от страха, еле шевелились. Она, не отрываясь, смотрела на спящего мужчину.

– Может, тебе кваску принести, красавица? – трактирщик никак не хотел упускать возможности заработать.

– Ну что же, принеси.

Только за трактирщиком закрылась дверь, Поляна опрометью выскочила на улицу. Бежать! Как можно скорее! Надо же так вляпаться! Хоть бы трактирщик подольше за квасом ходил, хоть бы не проснулся тот, кто ищет их с Ясей!

Ноги несли перепуганную женщину в сторону, противоположную той, откуда она пришла, но Поляна не замечала этого. Только бы скорее оказаться подальше от трактира, только бы скорее...

Но вот последняя изба осталась за спиной, и Поляна перевела дух. Но где же луг, где же лес, где же дочка? Она стояла на берегу озера.

Ну вот, не хватает только заблудиться! Поляна в досаде стукнула кулаком по огромному серому валуну, бугрящемуся у самой кромки воды.

– Что, милая, помощь нужна?

Поляна отпрыгнула от «говорящего» камня, но тут же улыбнулась своему испугу: из-за камня появилась одетая в серое платье женщина. Возраст ее определить было трудно. Не тронутое морщинами красивое лицо не гармонировало с мудрыми, многоопытными глазами.

– Вижу, милая, ты чего-то боишься. Не меня ли? Нет, конечно, я же не страшная, – женщина улыбнулась. – Ты, ясное дело, нездешняя, иначе знала бы обо мне и радовалась тому, что меня увидела. Я тебе плохого не сделаю. Вижу, сердце у тебя доброе, душа чистая. Помочь я тебе хочу.

– А ты кто?

– Я-то? – женщина усмехнулась. – Я – камня этого хранительница.

– А зачем его хранить-то, не убежит, поди.

– Убежать – не убежит, а в озеро уйти может.

– Как это?

– Камень этот не простой. Он – оберег всего села. Если в деревне все хорошо – то и камень на месте. А если жителям села беда грозит, камень сползает в озеро. Если же селяне дела несправедные творить станут – камень под землю уходит. Бывали годы, когда над поверхностью одна только макушка его торчала, пока люди не одумывались, да беззакония творить не переставали. А добрым людям камень помогает желания исполнять. Вот положи-ка на него ладони. Чувствуешь, какой он теплый?

– Да, руки словно в теплую воду окунулись.

– Вот, а если злой человек камня коснется, он ему ледяным покажется. Ты – добрая, можешь желание свое камню высказать.

– Мужа своего я хочу отыскать, да вот не знаю, куда идти, в какую сторону.

– Хорошо, закрой глаза и жди. Камень тебе ответит.

Поляна послушно закрыла глаза и наострила уши. Однако ответ пришел совсем не так, как она ожидала. Вдруг в голове у нее стали возникать картинки.

– Ты рассказывай мне, что видишь, – прозвучал голос женщины-хранительницы. – Я помогу тебе разобраться.

Поляна, как завороченная, начала описывать то, что видела.

– Горы высокие, поросшие лесом. В лесу – замок с башнями, я его уже видела однажды, когда о муже ворожила. А вот роща светлая, березовая. Поляна на ней, а посреди поляны – три камня. И – будто звон колокольный, а колокола не вижу. Все. Теперь – только чернота...

Поляна разочарованно открыла глаза:

– Ничего не понятно.

– А я на что? – улыбнулась хранительница. – Сейчас я тебе все растолкую. Мужа своего ты найдешь в замке, что стоит в лесу на высоких горах.

– Я так и думала! Но как найти эти горы?

– А вот тут тебе помогут коридоры во времени. Если попадешь в нужный коридор, то в считанные секунды преодолеешь расстояния, которые обычным путем не одолела бы и за годы.

– Заманчиво. Только где они, эти коридоры?

– Тот, что тебе нужен, находится в Самозвонной березовой роще.

– Какой-какой?

– Самозвонной. В этой роще, если тихо стать, да руки к березе приложить, колокол услышишь, хотя колокола вроде бы и нет. Вот в этой роще – поляна с тремя камнями. Камни – двери во временные коридоры. Встанешь на камень – и за секунды перенесешься на много-много миль. Вот только на этой поляне – три камня, значит, вход в три временных коридора. А какой из них тебе нужен – не узнаешь, пока в него не попадешь.

– Ну, ничего, три – не тридцать три. В конце концов, можно каждый попробовать. А как же мне рощу самозвонную найти?

– Тут она, недалече. Ты у людей поспра...

Хранительница не успела закончить фразу – камень быстро пошел под землю. Женщина обняла камень руками, ее серое платье слилось с ним – и хранительница исчезла. Камень ушел в землю наполовину.

И в то же время сердце Поляны словно молнией опалило: «Яся!»

– Доченька моя милая, что с тобой? – Поляна, не разбирая дороги, кинулась обратно к деревне и дальше, вдоль околицы, к лугу, к опушке леса, где оставила дочь.

– А вот и квасок, красавица! Холодненький, из погреба, – трактирщик прикрыл за собой дверь, обтирая фартуком запотевшие бока кувшина.

– Хм, а куда же она подевалась?

– Кто – она? – мужчина, только что спавший в углу на лавке, уставился на хозяина.

– Странница тут только что была, красивая такая бабенка. Я вот ей кваску принес, а ее и след простыл.

– Странница, говоришь, красивая? А она одна была, или еще с кем?

– Да вроде одна.

– Ну-ка, опиши мне ее подробнее.

– Я ее как следует и не запомнил. Высокая, стройная, молодая еще, а глаза – синие-синие!

Говорила, что ждет кого-то. Видно, решила не ждать, ушла.

– А скажи-ка, любезный, часто ли у тебя странницы останавливаются?

– Нет, последний раз прошлой осенью проходила одна, старуха совсем.

– Так, это она. А ждала, видимо, дочь. Но почему ушла и – куда? Вот что, любезный, сыщи-ка мне эту странницу, далеко она уйти не могла. А заодно и дочку ее, может, найдешь. Девчонке пятнадцать лет, на мать похожа. Найдешь – тащи их сюда, в обиду не будешь, – незнакомец вытащил из кармана тяжелый кошелек и подбросил его на ладони.

Монеты заманчиво зазвенели. Трактирщик сразу засуетился, стянул с себя фартук и, алчно оглядываясь на кошелек незнакомца, выскочил за дверь.

Деревенские кумушки, проводив коров в стадо, все еще стояли у калитки и судачили между собой. К ним-то и подскочил трактирщик.

– А что, бабоньки, не видали ли вы странницу, что из трактира моего недавно вышла?

– Как не видеть, видели, конечно. Она что, заплатить тебе забыла?

– Да вроде того. А куда она пошла, в какую сторону?

Одна из селянок подмигнула остальным и показала рукой в тот конец улицы, откуда Поляна пришла.

– Терпеть не могу этого толстопузого, – пояснила она соседкам, когда трактирщик отошел шагов на двадцать. – Мужика моего зельем спаивает, а сам так и норовит меня ущипнуть, за что помягче. Пусть побегает впустую, может, жир-то свой и растрясет.

А трактирщик уже мчался к околице, к лугу, удивляясь, что все никак не догонит ушедшую странницу.

Солнце давно уже встало из-за горизонта, жаворонок серебряным колокольчиком повис в небесной синеве, стадо вышло из деревни на луг, покрыв его буро-зеленое полотно пестрыми заплатами.

Ясе надоело ждать. «И чего я тут сижу одна, чего прячусь? Деревня наша вон, где осталась! Чужак теперь не догонит нас, – думала девушка. – Пойду-ка к пастуху, поговорю с ним. Может, узнаю, в какой стороне горы».

И Яся направилась к стаду. Пастух, крепкий еще старик, устроился на высокой сухой кочке и наигрывал на рожке незатейливый мотивчик.

– Здравствуй, дедушка, – Яся поклонилась старику. – Давно ли стадо собрали?

– Да нынче первый день после зимы пасу. А ты кто же такая будешь? У нас в деревне я, кажись, такой красавицы не примечал.

– Я из села, что за лесом, – Яся простодушно улыбнулась доброжелательным дедовым морщинкам. – Мы с матушкой отца ищем. Его уже десять лет дома нет, пропал куда-то.

– Э, девонька, за десять лет много воды утекло! Жив ли отец твой?

– Жив, наверное. Знахарка наша, бабушка Поветиха, ворожила на него и сказала маме, что жив отец и искать его надо у высоких гор. Ты, дедушка, случаем, не занешь, где эти горы, в какой стороне?

– Нет, милая, я хоть и живу уже на свете долго, а про горы ничего не слыхивал.

– У кого же спросить, дедушка? Может, у трактирщика?

– С ним лучше не связываться, недобрый он человек, корыстный. Если и знает что, за так не скажет, платы потребует. А велика ли у тебя казна?

– Да у меня денег отродясь не было, – рассмеялась Яся.

– Ну вот, и я тебе про то же, – старик задумался. – Я тебе вот что скажу: в деревне нашей вряд ли кто тебе поможет. А вот слыхивал я от добрых людей, что живет тут неподалеку цыганка одна. Она многое знает, может, и тебе дорогу подскажет.

– Где же ту цыганку искать, дедушка?

– А ты иди вон туда, к речке. Там в камышах мой челн стоит. Бери его и гребни вверх по течению, да по сторонам поглядывай, да излучины считай. Аккурат за пятой излучиной на другом берегу растут у обрыва два дуба-великана. А за ними – березовая роща. Самозвонной она называется. Березы в ней высоченные, да ровные, одна к одной. У дубов тропинка начинается – иди по ней, к цыганке-то и придешь.

– А как же челн твой, дедушка?

– Ты его от берега оттолкни подальше, он сам ко мне по течению приплывет, – улыбнулся пастух.

На краю луга показался невысокий толстый человек. Приставив ладонь козырьком ко лбу, он вглядывался вдаль.

– Смотри-ка, трактирщик! – пастух удивленно уставился на толстяка. – Эй, ты чего тут делаешь?

Трактирщик обернулся на зов, увидел рядом с пастухом Ясю и вприпрыжку помчался к стаду. Шумно переведя дух, он с головы до ног оглядел девушку. Молода, красива, светло-волоса – она! А где же ее мать?

– Послушай, красавица, мне велели тебя в трактир привести, – схитрить у трактирщика ума не хватило, он рубанул напрямик.

– Кто велел – мама?

– Какая там мама – постоялец мой. Он и матушку твою велел разыскать и к нему доставить.

– Я не пойду с тобой, мне мама приказывала ее дожждаться.

– Еще как пойдешь! – трактирщик грубо схватил Ясю за руку и потянул за собой.

– Отпусти девчонку, прохиндей, – вступился за Ясю пастух.

– Ты у меня поговори еще, – огрызнулся трактирщик. – Забыл, сколько ты мне должен?

Пастух сконфуженно замолк и отвернулся. Трактирщик, хоть и не вышел ростом, был довольно силен. Он клещом вцепился в руку Яси и потянул ее к деревне.

– Мама! – девушка безуспешно рвалась из цепких мужских рук.

Ноги ее скользили по мокрой прошлогодней траве, и шаг за шагом ей приходилось уступать грубой силе.

Поляна выбежала из-за деревьев, когда трактирщик уже доволок Ясю до околицы.

– Стой, стой, я тебе говорю! – Поляна изо всех сил старалась сократить разделяющее их расстояние.

– А вот и мамаша пожаловала, – обрадовался трактирщик. – Беги за нами следом. В трактире и тебя ждут, и дочку твою.

Безотчетная ярость охватила Поляну. Она протянула руки вперед, словно это могло помочь ей остановить злодея. И вдруг...

Поляна сама не поняла, как все произошло. Вся злость ее, ярость, отчаянье собрались в сгусток энергии и, пробив ладони, понеслись вдогонку трактирщику. Тот и глазом не успел моргнуть, как оказался сбит с ног и оглушен неведомой силой.

Яся выдернула свою руку из обмякшей ладони мужчины и кинулась к матери. Поляна оторопело разглядывала свои ладони.

– Мамочка, бежим скорее! Бежим к реке, там – челн.

Глава 9

Что на свете может сравниться с костром! Загадочный и бесхитростный, дарящий тепло огня и общения, сказка, рассказанная ночной рощей!

Яся подкинула ветку, огонь взметнулся вверх, освещая лица матери и старой цыганки.

– Зельфа, а почему роща Самозвонной зовется?

Не сразу ответила цыганка. Наклонилась к костру, ловя отблески пламени монетками мониста. Поворошила угли палкой, запуская в небо сноп искр.

– Давно, очень давно жило неподалеку от этих мест племя. Правила им Огда, молодая, но мудрая владычица. В одной из схваток с воинственными соседями ее воины отбили у них пленников – старцев седых. Сказывали старцы, что шли они издалече, из-за гор высоких, из-за морей теплых, да попали в плен. В благодарность за освобождение подарили старцы Огде три ларца. В одном ларце – письма старинные, в другом – серебряный крест, а в третьем – колокол. С тех пор берегли те ларцы пуще глаза, как обереги племени. Колокол повесили на березу в светлой роще.

Вскоре нагрянула беда. Налетели вороги лютые, жилища сожгли, людей полонили. Колокол в ту пору сам собой звонил: то ли о беде рассказывал, то ли оплакивал погибших.

Решила тогда Огда уйти с насиженного места с остатками племени. Однако воины не согласились последовать за стариками и женщинами. Остались они в березовой роще, чтобы встретить врагов. Самый храбрый из воинов, Вирь, так сказал:

– Оставь, Огда, колокол на березе. Коли поляжем все в битве, все равно помогать будем племени, о беде оповещать.

Привела Огда свой народ сюда, на речку Гордянку, к двум дубам, к березовой роще. Ни один из оставшихся воинов не вернулся в племя. Полегли все в неравной схватке. Только с той поры, как быть беде – звонит в березовой роще невидимый колокол, предупреждает. Многие тот колокол искали, да только никто его не нашел.

– А ты, Зельфа, ты искала?

– Нет, искать не искала, а слышать – слышала. Ох, лучше бы и не слышать его никогда!

– Как это было? Зельфа, милая, расскажи! – Яся схватила цыганку за руку.

Та поежилась, кутаясь в цветастую шаль, долго молчала. Потом все же начала:

– Давно это было, ох, давно. Молодая я была, красивая, горячая. И любила тогда атамана разбойников по прозвищу Бесово Стремя. Шайка милого моего как раз в этой роще и обосновалась. Вот уйдут, бывало, разбойнички на дело, а меня с собой не берут. А мне меж берез не скучно, они словно сестрички мне. Любуюсь их красотой, белые стволы обнимаю, по коре шелковистой глажу. И чудится мне, будто колокол звучит, как ладони к березе приложу. Тихо так звучит, еле слышно.

Как-то днем, когда разбойнички отдыхали после ночи лихой, вдруг ударил колокол громко и тревожно. У меня сразу сердце в пятки упало – беда! Я – к атаману, разбудила его, но объяснить ничего не успела. Налетели стражники, порубили разбойничков всех до единого. Только мне, да атаману уйти удалось.

А колокол все не умолкает, звонит, да только одна я его слышу. Поняла я, что не разбойников колокол предупреждал, большая беда всему народу грозит. Стала я уговаривать Бесово Стремя к людям пойти, предупредить их, а он только засмеялся в ответ:

– Что, цыганка, погибели моей хочешь? Нет, Зельфа, уйдем мы с тобой тайными тропами, про которые я один знаю. Вот только клад свой откопаю, я его здесь, у болота схоронил.

Стал атаман свой клад искать, а найти не может. Разозлился он, даже про меня забыл. Бросился к тайной гати, а тут – туман поднялся. С тех пор я его больше не видела, утонул в болоте, должно быть.

– А что с тобой стало, Зельфа?

– Я к людям пошла. Молодая была, горячая, в добро верила. Про колокол им рассказала. А они решили, что я от страха умом тронулась. Вернулась я тогда в рощу, с тех пор и живу здесь одна.

– А колокол? Колокол больше не звонил?

Цыганка не ответила. Жутковатая тишина повисла над костром. И вдруг тихо и тревожно ударил колокол.

На другое утро Зельфа показала беглянкам поляну с тремя камнями. Про временные коридоры ей ничего не было известно, а камни она давно приметила, гуляя по роще.

– Мама, – Яся в замешательстве взглянула на камни, – а на который из них нам встать нужно?

– Этого, доченька, я не знаю. Придется рискнуть. Вставай на любой.

– погоди, погоди, давай вместе встанем, вот на этот, рыжий. Только одновременно, а то растеряемся еще.

– Спасибо тебе, Зельфа, за помощь. Может, свидимся еще.

Взявшись за руки, мать и дочь одновременно шагнули на рыжий камень и – исчезли. Зельфа протерла глаза – никаких следов! Постояв минуту у камней, цыганка повернулась и пошла к погасшему костру. Однако, не дойдя до поляны, она услышала лай собак и мужские голоса. Цыганка осторожно выглянула из-за куста шиповника, только-только начавшего распускать почки, и увидела у кострища трех мужчин. Одного из них она не знала, двух других видела в ближнем селе. Это были трактирщик и пастух.

Трактирщик замахнулся на старика и прошипел:

– Ну, где же твоя цыганка, поганец? Ты же к ней послал дочку с матерью? Говори, иначе хуже будет!

Пастух беспомощно переминался с ноги на ногу и мял в руках шапку.

– Я им только сказал, что цыганка все знает, дорогу к горам указать сможет.

– Ладно, не будем терять времени, – прервал его незнакомец. – Мужикам я заплатил достаточно, собаки у них хорошие: цыганку эту и ее гостей они без труда найдут. Уйти бабам некуда, обложим их здесь, как волков. Найдём – и конец им всем.

– А цыганка? Ее-то за что?

– А так, за компанию, – захохотал незнакомец. — Зажилась старая ведьма на свете.

Дальше Зельфа слушать не стала. Лай собак становился все громче, так что искушать судьбу она не захотела. Бесшумно скользя между березами, старуха бегом вернулась на поляну и встала на рыжий камень.

Ни один волосок не шевельнулся в ее волосах, ни одна монета не звякнула на груди. Зельфа стояла на камне, а вокруг, насколько хватало глаз, расстилались безбрежные желтые пески. Ни кустика, ни деревца, только двойная цепочка следов тянулась от камня к ближайшему бархану. Гор не было и в помине.

Зельфа сошла с камня, утопая по щиколотку в песке, отошла от него на несколько шагов. Что делать? То, что Поляна выбрала не тот камень, ей было ясно. Поскитавшись с разбойниками по свету, она многое знала. Знала и то, что пустыня не может быть рядом с покрытыми лесом горами.

Как быть? Вернуться назад? Но, во-первых, она сразу же попадет в руки погони, а тогда добра – не жди. Во-вторых, кто же остережет ушедших в пески мать и дочь, кто поможет им? С другой стороны, уйти от камня, рядом с которым не было никакого ориентира, значило затеряться в безводной пустыне. Это – верная смерть. Ну, зачем, ах, зачем ушли от камня Поляна с Ясей!

И все же цыганка решила идти за ними. Пока не поднялся ветер, пересыпающий песок с места на место, можно было догнать путниц и вернуться с ними к камню по своим следам. Только нужно было спешить.

Зельфа подоткнула повыше юбку и побрела, увязая в песке, к вершине бархана. Поднявшись на гребень, она увидела далеко впереди две фигурки. Нет, не догнать их ей, старой! Цыганка приставила ладони ко рту и закричала, что было сил:

– Эй, Поляна, Яся, стойте!

Ее не услышали. Зельфа кричала снова и снова, но без результата. И тогда она запела. В песне ее старческий голос преобразился, набрал силу. А может, попутный ветерок подхватил мелодию. Свершилось чудо: Поляна остановилась, обернулась и увидела на верхушке бархана знакомую фигуру.

– Стой, Яся. Смотри – Зельфа! Видно, что-то случилось, раз она за нами пошла. Давай вернемся и узнаем, в чем дело.

Мать и дочь повернули назад. И вовремя: легкий ветерок, подхвативший песню цыганки, крепчал с каждой секундой. Вот он уже начал срывать песок и швырять его сначала под ноги, а потом и в лицо идущих навстречу женщин. Цепочка следов оказалась засыпанной в два счета. Если бы на вершине бархана не маячила сухопарая фигура в пестром одеянии, Поляна ни за что не отыскала бы дороги назад!

Но вот, наконец, и Зельфа. Поляна тревожно заглянула цыганке в глаза.

– Что случилось?

– Нас ищут, всех троих. Хотят убить.

– Но они же не знают о временном коридоре, им нас не догнать!

– Так-то оно так, да только придется нам возвращаться. Разве вы не поняли, что выбрали не тот камень?

– Почему не тот? Вот же горы, рукой подать! – Поляна обернулась, но не увидела никаких гор. А только что они с Ясей видели их четко.

– Знаешь, Поляна, вы пошли за миражом, – цыганка покачала головой. – Вовремя я вас остановила. Без воды, да еще в песчаную бурю, вы бы точно погибли в пустыне.

– Что же нам делать, Зельфа? Научи!

– Нужно возвращаться и пробовать другую дорогу. Давайте-ка быстрее к камню, пока его песок не засыпал!

Все трое кубарем скатились с бархана и остановились в двух шагах от камня.

– Сейчас нам возвращаться в рошу нельзя: те, кто нас ищут, еще наверняка там. Нужно подождать до вечера.

– А тем временем песок камень засыплет! – Яся озабоченно разглядывала камень, который уже наполовину скрылся под песком. – Как мы его потом найдем?

– Давайте сядем вокруг камня и возьмемся за руки. Даже если песок его засыплет, сходясь к центру круга, мы отыщем камень.

– Верно, Поляна, дельное предложение.

Как же долго тянется время! В пустыне на песке сидеть – это тебе не в тенистом лесу прохлаждаться. И как хочется пить! Последняя капля взятой в дорогу воды давно уже выпита. Нос, рот, глаза забиты противным колючим песком, а до вечера еще так далеко! Ветер посвистывает так однообразно, так монотонно! Глаза закрываются сами собой, нет сил даже пошевелиться. И вот уже в ушах слышится тихий и вкрадчивый зов. Это властительница миражей, дурмана, снов – Миург – зовет.

– Я избавлю вас от страданий и мучений. Выдавите из себя остатки воли, закройте глаза и ни о чем не думайте, ни о чем не вспоминайте. Только ласковые видения и нежный сон, сон, сон...

Нет сил сопротивляться. Яся закрыла глаза: как хорошо! Она снова на берегу родной реки, ее холодные струи облизывают опущенную в воду руку. А рядом – подружки. И – Он, незнакомый, сильный, сероглазый, черноволосый...

Вокруг Зельфы шелком пузырится шатер. Пушистые ковры манят уютной негой. На низком столике – серебряный кувшин с вином, бока его запотели. Молодой и веселый, Бесово Стремя улыбается белозубо и бесшабашно...

Поляна вышла из раскаленной кузницы на ветерок. Он тихий, прохладный, такой нежный. А руки Славеня еще нежнее. Он обнимает ее сзади за плечи, целует волосы, шею...

Славень! Поляна вздрогнула и очнулась от грез. Нет, нельзя поддаваться им, нужно встряхнуться, нужно вынести все невзгоды, но найти мужа, найти Славеня!

– Эй, очнитесь, солнце уже низко! – трясет она за плечи дочь и цыганку.

Те, хоть и с трудом, возвращаются в реальность. И— вовремя! Еще одна минута, еще один шаг – и они бы никогда уже не вернулись из царства грез – Миургии. Не нужны бы им стали ни вода, ни еда, ни одежда. С полузакрытыми глазами, оборванные, высохшие бродили бы они по пустыне, как многие сотни ушедших из реальности. И казалось бы им, что живут они полной жизнью среди изобилия и наслаждений.

Между тем, солнце резко скатывалось за горизонт. Вот уже только полоска неба алеет над барханами. И, наконец, – полная темнота, пронзенная только булавками звезд.

– Пора!

Нашупали камень, смахнули с него песок, одновременно наступили.

...Глухо звучит колокол.

Продрогшая цыганка сидела под деревом и наблюдала, как истончается черное покрывало ночи, как меркнут звезды, как проступают, прорисовываются четче силуэты деревьев. Огонь она не разжигала: боялась привлечь к себе внимание.

Поляна с дочерью, сразу переступив с камня на камень, едва успев попрощаться, давно уже исчезли из рощи. Кто знает, где они теперь? Правильно ли выбрали временной коридор? Яся звала Зельфу с собой, но та отказалась: зачем старухе пускаться в дальнейшее путешествие, становясь для них обузой в пути?

Больше всего не любила цыганка это время суток —ни день, ни ночь. Заря еще не нанесла первые мазки на холст неба, и все кругом было такое серо-черное, тусклое, невыразительное! Тоска – вот с чем можно было сравнить предрассветную безысходность.

Зельфа погладила белую гладкую кору – сколько воспоминаний связано с этими берегами! Да, по сути, теперь вся ее жизнь —только воспоминания. Впереди она не видела ничего хорошего: болезни, дряхлость, смерть. Никому она не нужна, да и ей никто не нужен.

Ну что ж, ночь оказалась хорошей советчицей. Цыганка в последний раз взглянула на рощу, улыбнулась чуть порозовевшему боку облака и встала на рыжий камень. Да, там, в пустыне, ждало ее царство грез, вкрадчивый голос Миург звал ее, обещая блаженство. Там она будет счастлива, по-прежнему молода и красива. Там встретит она своего желанного атamana, и никто не помешает им любить друг друга до самой смерти.

Глава 10

Славень сидел у окна и задумчиво глядел вдаль. Взору его открывался давно уже надоевший вид горного ущелья. Далеко внизу, так далеко, что даже шум воды не долетал, пенилась река, зажатая с двух сторон отполированными скалами. Выше, с каменных уступов, бородами свисал мох. Трава здесь не росла, ей не хватало света. Ближе к солнышку рос лес. Как он отличался от родных берез, от светлых, пропитанных запахом смолы и хвои, сосновых боров, от кудрявых дубов! Темные ели теснились так близко друг к другу, что ветви их образовали один сплошной шатер. Нижним веткам не перепадало ни лучика солнца, поэтому они быстро теряли хвою, высыхали и становились легкой добычей ветра, частенько бедокурившего в горах. Да, прогулка по такому лесу не сулила удовольствия!

На уступе скалы, прямо над пропастью, высился замок. Стены прочные, под стать окружавшим его горным породам, были неприступны. Круглые сторожевые башни по углам щерились амбразурами, готовые в любой момент обрушиться на незваных гостей тучи стрел. Самое главное, что отличало замок от сотен ему подобных, было то, что к нему не вело ни одной дороги. Даже тропинки не было видно между деревьями. Ворот тоже не наблюдалось.

Здесь, в этом неприступном бастионе, обитал теперь Славень. А в памяти его все теснились березы у околицы родного села, крыльцо родного дома, который он покинул десять лет назад.

Тогда, дождливым осенним утром, он знал, что уходит из дома навсегда. Он не хотел уходить, бросая любимую жену, малышку-дочь, но должен был сделать это. Должен!

Славень нахмурился, прикрыл глаза, вспоминая...

Отец умирал. Сомневаться в этом не позволяли его запавшие, обросшие бородой щеки, заострившийся нос, блуждающие полубезумные глаза, посиневшие губы. Видимо, боль – страшная, пронзающая насквозь боль – мучила его не один час, а может, и день. Дыхание с хрипом и бульканьем вырывалось из груди. Крупные капли пота стекали со лба.

– Сын! – глаза старика остановились на вошедшем в избу Славене. – Подойди скорее. Дай руку.

Славень переминался у порога, вглядываясь в такое знакомое лицо. Если бы он сказал, что любил его, то покровил бы душой. Всю жизнь он боялся отца, стыдился его, бунтовал против его воли. Даже проклят был родителем, послушавшись его и женившись на Поляне. И вот теперь перед ним на лавке лежал обессиленный, такой жалкий и одинокий старик!

Славеню стало до боли жалко отца. Он все ему простил, забыл все, что их разделяло. Шагнул к лавке, опустил на колени.

– Отец!

Судорога передернула губы старика, пальцы его бесцельно зашарили по одеялу. Наконец, справившись с волной боли, он взглянул на сына. Взглянул так, как утопающий смотрит на соломинку.

– Сын, помоги мне...

– Но как, отец?

– Помоги мне... Умереть. Дай руку.

Старик ледяными пальцами сжал теплую руку сына.

– Возьми. Возьми себе...

Рука отца вздрогнула и разжалась. Он потянулся всем телом и затих.

Славень удивленно посмотрел на свою ладонь: что передал ему отец? Ладонь была пуста.

Дар – или проклятье? – переданный ему перед смертью отцом, Славень ощутил на другой день после его похорон. Ночью ему приснился отец. Он гадко улыбался и подмигивал сыну.

– Ну что, сынок, бунтовал, презирал отца? Вот теперь сам таким стал. И будешь таким до самой смерти. Если сможешь умереть – ха-ха-ха!

Проснувшись в полном смятении, Славень решил сходить к Священному Дубу. Ему всегда становилось легко и спокойно возле этого могучего дерева, увешанного цветными лоскутками. Казалось, все Боги одновременно прячутся в его раскидистой кроне и утешают, помогают пришедшему сюда.

Тропинка петляла по берегу реки. Славень остановился и загляделся на темную воду. Так хотелось спуститься к берегу и окунуть в нее ладони!

– Зря я тогда не сделал этого!

Мужчина у окна горько усмехнулся. Теперь он знал, что вода помогла бы ему, смыла хотя бы часть тайного проклятого наследства, которое вложил ему в ладони отец с последним вздохом. Но тогда он не знал о великой силе воды и пошел дальше, к священному капищу.

Вот уже и дуб показался за излучиной реки. Ветер играет лоскутами на его ветвях. И тут с ногами Славеня стали происходить странные вещи: они отяжелели, будто налились свинцом. Здоровенный мускулистый мужчина с трудом отрывал их от земли. Несколько шагов – и ноги совсем перестали слушаться.

Славень взглянул на дуб, рассчитывая почерпнуть от него силу, но вместо этого сердце его наполнилось неистовой паникой и отвращением. Ему стало так плохо, что он не смог устоять на ногах и рухнул на мокрую траву. Десятки голосов зазвучали в ушах, высоких и низких, тоненьких и басовитых. Но все они твердили одно:

– Уходи отсюда!

– Уходи!

– Теперь ты наш, наш, наш...

С трудом Славень поднялся на ноги и повернулся к дубу спиной. И тут его словно ветер подхватил и понес, как пушинку, прочь от священного дерева. Не прошло и минуты, как Славень был уже далеко, очень далеко.

«Дурак! – подумал мужчина у окна. – Нужно было уже тогда догадаться, что случилось!»

Нет, он не догадался. Переведя дух, Славень решил идти в кузницу. Там он разведет огонь, возьмет в руки свой большой молот – и все беды отступят сами собой.

Вот и кузница. Как положено, она стоит на отшибе, у околицы села. Никого нет. Помощники, поди, еще дома за столом сидят. Ну, да это и к лучшему: нужно прийти в себя, успокоиться.

Славень подошел к наковальне, потрогал ее и – отшатнулся. На наковальне неизвестно откуда возник маленький чертенок. Он скорчил смешную рожицу и показал кузнецу язык.

– Ну, чего онемел, детина? – чертенок явно издевался. – Не ожидал меня увидеть? Ничего, тебе теперь и не такое откроется. Папаша твой покойный знатным колдуном был, многое умел. Теперь ты – его наследник.

– Ты чего болтаешь, нечистый? – Славень хотел пристукнуть чертенка кулаком, словно муху, но тот проворно отскочил в сторону.

– А ничего я и не болтаю. Папаша помер? Помер! Ты его в это время за руку держал? Держал! Он тебе силу свою и знания передал? Передал!

– Ничего он мне не передавал, – Славень рассердился не на шутку. – Ничего...

И вдруг осекся. Он вспомнил, как отец, держа его за руку, прохрипел перед смертью: «Возьми, возьми себе!» А сын потом разглядывал пустые ладони и недоумевал, что же хотел передать ему отец?

И тут Славень все понял! Как мог он забыть то, что в селе знает каждый мальчишка: колдун перед смертью сильно мучается, не может умереть, пока ремесло свое кому-нибудь не передаст. Но откуда мог Славень знать, что отец его – колдун?

– Э, врешь, парень, ты догадывался об этом! – мужчина у окна усмехнулся. – Потому и сбежал из дома. Вспомни, как отец с матерью в ночь полнолуния ходили в лес за травами, как варили что-то в глиняном горшке, пришептывая при этом непонятные слова. А черные петухи? Их никогда не ели, хотя кровью убитых птиц всегда была пропитана особая дощечка, прикасаться к которой строго-настрого запрещалось мальчонке. А нелюдность родителей, их вечное стремление держаться подальше от соседей! А священный дуб – ведь отец ни разу не был возле него. Не хотел, а может, не мог приблизиться к дереву? Да, только слепой не увидел бы, что родители ведут себя необычно. И ты, парень, это видел, потому и тянулся к односельчанам, не хотел быть похожим на отца!

Чертенки поцокали копытцами по наковальне, привлекая внимание кузнеца.

– Слушай, детина, приходи сегодня ночью в дом отца. Там тебе все растолкуют.

К вечеру подморозило. Небо очистилось от туч, и полная луна царилась среди бесчисленных звезд, милостиво освещая и землю с ее обитателями.

Славень шел по дороге, почему-то тревожась и оглядываясь по сторонам. Он не хотел, чтобы его кто-нибудь увидел.

Вот дом отца. Ночью он выглядел еще более неприветливо, чем днем. Скрипучие ступеньки, незапертая дверь...

В горнице никого не было.

«Должно быть, что-то с головой, – подумал Славень. – Чертенки привиделся, какую-то ерунду плел. А я, дурак, решил, что это реальность».

Он облегченно вздохнул и повернулся к двери, чтобы уйти.

– Куда же ты? – голос был так знаком.

Славень обернулся и чуть было не лишился чувств. За столом сидел его отец! Отец, которого он только что похоронил. Лунный свет, не задерживаясь, проходил сквозь его тело, не оставлявшее никакой тени. Лицо было бледно, но глаза смотрели пристально и требовательно.

«Призрак?» – мелькнуло у Славеня в голове.

Отец шелкнул пальцами – и над столом, не касаясь столешницы, повисла горящая свеча.

– Ну, как, впечатляет?

«А ведь и вправду он колдун!» – Славень не устоял на подкосившихся ногах и плюхнулся на лавку.

– Нет, колдун теперь – ты! – отец явно прочел его мысли.

– Зачем? Зачем ты это сделал, отец?

– Э, ты еще не знаешь, какое это наслаждение – быть всемогущим! Радуйся, что тебе это досталось без всякого труда. А вот мне пришлось потрудиться, чтобы отшлифовать свой дар. Я многому научился сам. Одно плохо – помирать тяжело. Но ведь у меня было, кому передать свои знания! Ты тоже передашь, когда срок придет, дочери.

– Ни за что!

– Не зарекайся. Вот как начнет тебя ломать, ты света белого не взвидишь. Готов будешь сделать, что угодно, лишь бы освободиться от боли. Да, кстати, о ломке. Черные колдуны обязаны делать людям всякие пакости. Иначе их ломать начинает – боль невыносимая! Но это легко предотвратить: порча-другая на людей или скотину – и все как рукой снимет.

– Порча? Что ты говоришь!

– Подумаешь, испугался! Какой праведник выискался. Ничего тут страшного нет. На белом свете всегда были и зло, и добро. Это как день и ночь, одно без другого не бывает.

Вот ты оказался на стороне ночи, на стороне зла. Поверь, это гораздо приятнее, чем быть слюнявым добрячком! Ты можешь очень многое, почти все! Тебе подчиняются стихии, тебе служат силы, о которых простые смертные и не догадываются! Ты – всемогущ! И всем этим тебя наделил я, твой отец. Это – мое наследство.

– А ты спросил, нужно ли оно мне, это твое наследство?

– Не кочевряжься, ты еще не понимаешь, какое богатство получил. Однако хватит разговоров. От твоего желания теперь ничего не изменится. Ты – черный колдун, смирись с этим! Знания уже сидят в тебе, как семечки в огурце, и только смерть освободит тебя от них. Но умереть ты не сможешь, пока не передашь их своей дочери. Или сыну, если Поляна расстарается, – и призрак рассмеялся.

– Но я не хочу, не хочу, не хочу быть черным колдуном!

– А тебя никто не спрашивает, хочешь ты, или нет. Ты – уже колдун, и имя тебе – Ворон.

Свеча погасла и исчезла бесследно. Призрак тоже растворился в лунном свете. Исчез и Славень – добрый малый, хороший кузнец. За столом сидел Ворон – колдун, обязанный творить зло.

Славень еще долго сидел за столом, не в силах принять обрушившееся на него несчастье. Мысли, одна мрачнее другой, теснились в голове. Что делать? Что делать?!

Перед его мысленным взором встали жена и дочь. Он не хотел причинять им зла! А разве сможет он делать гадости односельчанам, людям, которые всегда относились к нему с такой теплотой? Он вообще не может и не хочет никому причинять зло!

Но как избавиться от отцовского наследства? И вдруг Славеня осенило: он просто забудет все, что случилось! Просто сделает вид, что ничего не произошло. Неужели он не справится, не устоит?

Славень решительно поднялся с лавки и пошел домой. Осторожно, чтобы не разбудить Поляну, разделся и залез под одеяло. Теплое, такое родное и желанное тело жены привычно успокоило его. Он немного послушал ее сонное дыхание и смежил веки.

Поляна бесшумно скользила по избе, оберегая сон мужа. Как он, бедный, намучился за последние дни, сколько пережил со смертью отца! Пусть отдохнет. Женщина с любовью взглянула на спящего Славеня. Какое у него хорошее, доброе лицо! Вот только пара морщин прибавилась между бровями.

Поляна затопила печку, приготовила чугунок для каши, взяла в руки крынку с парным молоком.

«Приготовлю сегодня его любимую, пшеничную», – подумала.

Но что это? Парное молоко сгустком шлепнулось в чугунок. Прокисло? Но как это может быть, ведь и часа не прошло, как она подоила корову!

Поляна удивленно разглядывала крынку, а Славень с болью наблюдал за растерявшейся женой. Колдун в доме – вот и молоко прокисло. И тесто не подойдет, пока он здесь.

Мужчина вскочил с лавки, торопливо натянул на себя одежду и, наскоро поцеловав жену, без слов выбежал за порог. Он был уже на полпути к кузнице, когда вдруг резкая боль пронзила его с ног до головы. С каждым шагом боль все нарастала, заполняя его, как вода заполняет сосуд. Славень с трудом добрался до кузницы, схватил большой молот и стал в ярости стучать им по наковальне, не желая сдаваться. Однако боль не только не отступала, но становилась все сильнее, все невыносимей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.